

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

РОКОВОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, — ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Роковое предчувствие
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25097583
Лариса Соболева. Роковое предчувствие: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-104192-2

Аннотация

Тот день стал самым счастливым в жизни Светланы: любимый Захар сделал ей предложение, и они собирались пойти в загс подавать заявление. Но в планы влюбленных вмешался злой рок. Светлану на глазах Захара похитили неизвестные бандиты. Когда девушка очнулась, главарь с красивым лицом и мертвыми глазами сообщил: теперь она – его жена и зовут ее Лиза. Тем же вечером в частной клинике Светлане подрезали голосовые связки, лишив способности говорить. Затем заставили выучить новую подпись. Скоро девушка узнала, что через несколько дней приезжает отец... Лизы. Вот она, возможность вырваться из ада! Но как сказать, если тебя обрекли молчать, а за каждым жестом следят минимум двое тюремщиков?!

Издан в авторской редакции.

Содержание

1	7
2	19
3	34
4	50
5	64
6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Лариса Соболева

Роковое предчувствие

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием «Первая, вторая, третья»

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2017

***

Лариса Соболева – одна из лучших российских писательниц. Признанный мастер триллера и авантюрного детектива. Утверждает, что все свои сюжеты черпает из жизни. Уверена, что все лучшее еще впереди.

1

Доктор курил нервно. Затягивался глубоко. Его рука с сигаретой подрагивала, что для оперирующего хирурга нонсенс – к такому страшно на стол попасть, нечаянно заденет не тот орган и... Впрочем, уже задел. На его зелено-синем костюме багровые пятна говорили сами за себя, потому в коридоре частной клиники долго царило разочарование, выраженное в молчании. Только Родион шагал взад-вперед, за ним доктор следил опасливо, украдкой, опершись о кафельную стену спиной. Как натура чуткая, он ощутил биотоки напротив, поднял голову – на него в упор смотрел разъяренным быком амбал по имени Гена, который, поймав на себе молящий взгляд доктора, бросил упрек:

– Ты ж говорил, операция пустяковая.

– Это так, – проямлил доктор, у него пересохло во рту, шевелить языком было чрезвычайно трудно. – Но у нее редчайшая врожденная патология сонных артерий, перегибы и петли, которые проходят в непосредственной близости к гортани. И главное, на ее самочувствии это никак не отражалось, что является большой редкостью, а при подобных патологиях прежде всего страдает мозг...

– Но ты же говорил! – процедил Гена, стиснув зубы.

Это тупорылое творение неизвестного происхождения ничего не желало понимать, доктор обратился к Родиону,

главному заказчику:

– Она не знала о своей патологии, а я не предполагал, что первый же разрез вскрыет артерию. Случай один на миллион! Поймите, я ничего не мог сделать, ничего... И никто не смог бы... Кровь ударила фонтаном, как из шланга, конечно, можно заткнуть фонтан пальцем, а дальше надо шить! Но как шить, если невозможно убрать палец? Артериальное кровотечение – самое страшное явление, жизнь утекает сквозь пальцы хирурга в прямом смысле. Здесь не справилась бы и бригада... Это страшно...

Родион остановился, повернувшись к врачу. О, если бы взгляд умел убивать, доктор уже лежал бы бездыханным на полу новой клиники, куда он так стремился попасть, потому что творческих возможностей здесь ему виделось больше. Хирурга нельзя назвать трусом, но Родион, упакованный в дорогие вещи, внушал животный страх еще при первой встрече, когда договаривались о подпольной и высокооплачиваемой халтурке, хотя заказчик не старался выглядеть монстром. Доктор, имея, мягко говоря, усредненную внешность, тогда слегка позавидовал ему. Ведь наверняка этот мужчина, которому лет примерно столько же, сколько ему – около сорока, – пользуется признанием у женщин, богат, обладает властью. Да и сейчас он держался достойно: его хладнокровию можно позавидовать, несмотря на метания по коридору, но, видимо, таким способом Родион успокаивал себя. А не проходило ощущение: испепелит, уничто-

жит, сожрет и не подавится, впрочем, сейчас хирурга выбила смерть, о ней он думал. Ожидаемого упрека от Родиона доктор не услышал, всего лишь вопрос:

– Где она?

– В нашей клинике морг еще не обустроен, – вяло ответил доктор, – открытие будет только через три недели, идет завоз оборудо... – Но, увидев холодные глаза Родиона, сглотнул и ответил прямо: – Мы определили ее в самое холодное помещение. Хотите взглянуть?

– Нет. Кто знает о ней?

– Я и санитар... он мне помогал... потом мы вместе перевозили ее... – Наконец его прорвало, ужас перед обстоятельствами вырвался наружу: – Поймите, я теперь не знаю, что делать. Мне же отвечать придется... объяснять, откуда труп... Разумеется, о трупе должны позаботиться те, кто привез девушку.

– Санитар надежный? – перебил Родион.

Доктор неуверенно кивнул, опустив глаза. Собственно, кто способен поручиться за чужого человека, если в себе не совсем уверен? Родион натянул нижнюю губу на верхнюю, возвел очи к чистому потолку, но думал недолго:

– Через пару часов мы заберем ее.

Не прощаясь, он твердым, уверенным шагом двинул к выходу, за ним Гена, по привычке озираясь по сторонам, заглядывая в помещения с приоткрытыми дверьми. Из дверного проема по пути следования выглянул грузный санитар, про-

водив их равнодушным взглядом.

Гена чуточку отставал от Родиона, благодаря этому были лучше слышны слова, брошенные прямо в ухо тихим голосом:

– Роди, что будем делать?

– Сначала избавимся от трупа.

– А с доком как быть? У него ж на роже написано: всегда готов к предательству.

– Он еще пригодится. Поехали, место выберем.

Доктор не отрывал от их спин панического взгляда, думая про себя: «Зачем я влез в это? Один на миллион случай – и попался мне! Ой, дурак, погорел на жадности...»

Смолкли шаги, казалось, ночь поглотила все звуки, только сердце отстукивало тревожно, с перебоями, оно замирало и вновь толкалось. Доктор действительно попал в переplet, если эти господа не приедут за девушкой, ему хоть вешайся. Не верилось, что так по-идиотски все вышло, потому его ноги сами поплелись к ней.

Он открыл дверь, на стене нащупал выключатель – загорелась лампочка под потолком, которую еще не успели «одеть» в плафон. Доктор подошел к телу, накрытому простыней, постоял с минуту и стащил с головы ткань.

Молодая, красивая и – так глупо закончилась ее жизнь. Особенно волосы роскошны, целая копна белых прямых прядей рассыпалась по каталке. Казалось, вот-вот девушка откроет глаза, и кошмар закончится...

Она распахнула глаза, тараща их в темноту. Но секунду спустя облегченно выдохнула, села и тряхнула головой, прогоняя беспокойство. Теперь так просто не уснешь. Светлана отбросила одеяло и спустила ноги с кровати, шаря ступнями по полу в поисках тапочек. На кухне она налила воды в стакан, выпила. Вода вернула спокойствие, жаль, не действует как снотворное. Возвращаясь к себе, девушка увидела полоску света на полу, приоткрыла дверь шире и заглянула в комнату. Бабушка, полулежа на подушках, читала.

– Буся, ты почему не спишь? – Светлана вошла.

Валентина Петровна, оторвавшись от книги и сдвинув очки на лоб, удивленно произнесла:

– У меня бессонница, это старческое. А ты чего бродишь?

Светлана забралась с ногами на кровать, укрыв колени одеялом, поделилась своей напастью:

– Второй раз приснился жуткий сон: будто меня убивают, представляешь? И никого рядом, кто помог бы, нет. Так страшно...

– А, это к перемене погоды или... Нет, рвется к тебе кто-то.

– Рвется? Тогда это Захар. Он скоро придет. Захар придет, а я улечу... Но потом прилечу!

– Вот тебе и сон в руку.

– А осадок неприятный. И ощущение осталось, будто чего-то не хватает... будто у меня что-то вырвано...

– Это всего лишь сон, Светочка. Ты же не суеверная.

– Я? Нет, конечно. – Светлана прилегла рядом. – Буся, ты читай, читай, я полежу с тобой немножко и пойду к себе.

Свет от фар нырлял и поднимался, освещая густой лес, на этих «американских горках», и внедорожнику пришлось потрудиться, иногда колеса попросту буксовали, но место выбрали наиболее глухое и удаленное от людей. Гена выруливал, чтобы проехать между кустарниками и деревьями, несколько раз останавливался, рассматривая ориентиры, наконец заглушил мотор.

Весенняя ночь встретила влажным теплом, хотя в лесу всегда прохладно, запахами земли и травы, которые будто чья-то щедрая рука растворила в воздухе. Никого. Даже легкого ветерка не было. Но единственный свидетель все-таки наблюдал за полуночниками с заоблачных высот – луна. К счастью, круглая подружка грабителей и преступников глухонемая.

Марат открыл багажник и выдал Гене, Жорику, Тарасу по лопате, взял орудие копателей сам, все четверо дружно вонзились в затвердевшую из-за обильной травы землю. Ну, перво-наперво надо снять верхний слой – дальше работа пойдет слаженней. Родион закурил, глядя на луну, освещаемые ею верхушки деревьев, но от лирики и любования природой был весьма далек. В настоящий момент его волновали личные проблемы, отягощенные внезапной смертью под ножом

хирурга. Гена словно угадал его мысли, впрочем, проблемы касались каждого из пятерки:

– Надо же, все на мази было – и вдруг...

Высказанное вслух кольнуло Родиона в грудь, словно насекомое ужалило, в сердцах он отбросил сигарету – сколько же можно курить? В его команде люди не только преданные, но и с большим багажом опыта и практики, посему Марат сделал ему замечание:

– Э, Роди, окурки не бросай. Найдут их, следом найдут ее, потом тебя.

– Не вижу связи, но подчиняюсь. – Родион быстро поднял тлеющую сигарету, загасил ее о колесо. – А куда девать?

– Да хоть в карман, потом с ней зароем, а лучше дома в пепельницу брось, так будет надежней.

Гена отхлебнул из фляги, передал ее Марату и вернулся к теме:

– У тебя две недели, Роди, всего две недели!

– Знаю, – буркнул тот. – Будем искать новую.

Вряд ли Родион верил в положительный результат, никто в это не верил, а высказался опять Гена:

– Времени, Роди, в обрез, понадобится пластика, без нее не обойдешься. Но это время, которого уже сейчас нет.

– Главное, найти максимально похожую, – проговорил Родион, – а там что-нибудь придумаем.

– Да что тут придумаешь? – поддержал Марат Гену. – Похожая – это не копия, а нужна точная копия, иначе ни хрена

не получится.

– Двойников на свете больше, чем мы себе представляем, – возразил Тарас, он – подпевала Родиону, данная черта не всем нравится, что подтвердил Марат, наехав на него:

– Похожих на сто процентов людей не существует! Слишком много должно быть совпадений: рост, возраст, фигура, глаза, черты лица, даже длина ног... да что там ног – длина шеи! Однажды повезло, а сколько пришлось потрудиться над исправлениями... Сколько денег бухнули!

– Ты везением называешь труп в багажнике? – заметил Жорик.

– Это судьба козу подстроила, – сказал, сплюнув в сторону, Гена. – Долбанула по нам, потому что сволочь.

– Будем искать, – заладил Родион. – Будем искать... другого выхода нет.

– Почему же, – хмыкнул Жорик, однако идею подал осторожно: – Выход есть: обратиться подальше, пока не поздно.

Конечно, этот простой, как инфузория, выход приходил в головы всем без исключений, только от него отмахивались, ибо окончательные решения принимает Родион. Впрочем, в данной ситуации нет главных, она прижала каждого из пятерки.

– Вот тогда нам всем лучше заранее снять мерки и заказать гробы, – отверг идею Гена.

– Обратиться? – задумчиво произнес Родион. – Генка прав, черт возьми, гробы будут нашими. А четыре с половиной го-

да куда? Второго такого шанса не будет, легче двойника найти. И мы будем искать!

Но не сказал – найдем. Значит, сам в панике, сам сомневался.

Бабушка уснула, Светлана забрала у нее книгу, сняла очки и положила на тумбочку рядом с кроватью. Выскользнув из комнаты, она вернулась на кухню и выпила еще воды, посмотрела в окно. Луна... круглая и яркая, с огромным светящимся ореолом вокруг. Наверное, полнолуние виновато в том, что Светлане не спится, а если спится, то всякая дрянь снится.

В своей комнате девушка упала спиной на кровать, прикрыла веки и ждала. Молодые люди засыпают быстро, как уверяла бабушка, собственно, и Светлана с бессонницей незнакома, но сон убегал от нее. Она вспомнила способ заснуть, начала считать про себя:

– Один... два... три... четыре...

Помимо цифр, думала о Захаре и невольно улыбалась. Сначала он уехал на сборы, сейчас проходят соревнования, звонит регулярно, правда, об успехах или поражениях молчит. Вот кто суеверный – Захарушка!

– Девятьсот тридцать три... Девятьсот тридцать четыре... девятьсот...

Они встречаются год, мир стал другим – объемней, радостней, и теперь кажется странным: как до знакомства они

жили друг без друга? Бывает, Захар звонит и произносит всего одно слово «Светлячок», а потом паузу выдерживает. Слова «люблю» еще не было сказано, но оно есть, читается в глазах, ощущается на губах, а хочется его услышать и сказать самой. Правда, в данном вопросе Светлана уступит первенство Захару, женщине объясняться первой... нет уж.

– Две тысячи сто пятьдесят... Две тысячи сто пятьдесят... И... провал.

Небо тронула болезненная бледность, теперь начнет стремительно светать, однако успели. Лентяев судьба наказывает жестоко, случается, трупы словно сами пробираются к поверхности, после чего их легко находят любители природы. Чтобы исключить всяческие происки рока, не поленились и выкопали яму очень глубокую.

Из багажного отделения вытащили труп в черном мешке, кинули его в яму, комья земли полетели в черную дыру, которая довольно быстро заполнилась рыхлой землей. Тарас с Жориком под руководством Марата уложили пласты земли с травой, срезанные в самом начале, сровняв поверхность с ландшафтом, теперь импровизированную могилу даже сами копатели не найдут. Закинули лопаты в багажное отделение, расселись, а затем передавали бутылку коньяка друг другу, отхлебывая из нее по глотку. Взревел мотор...

За руль сел Родион, ведь ребята устали – непривычный труд забирает много сил, к тому же они выпили. Дорога до

города прошла словно полет птицы, но и тут Марат заставил его остановиться, достал скребок и повозил им по колесам, счищая лесную грязь. Вернувшись в салон, со знанием дела заявил:

– Роди, первым делом машину отгони на мойку, а сейчас, когда приедем, оставь ее у ворот.

– На фига такие сложности? – вяло поинтересовался Гена.

– Ну и дуб ты, Генаша, – хохотнул Марат. – На колесах земли из того района не должно быть даже теоретически.

– Да хрен могилу найдут, – возразил и Жорик.

– Еще один «умный», – огрызнулся Марат. – Повторяю для тех, у кого дефицит серого вещества: ни микрона земли из леса не должно попасть на территорию дома. У нас и так есть слабое звено: док, санитар. Лично у меня они оба не вызывают доверия.

– У дока своя статья – убийство по неосторожности, – пробубнил грамотный Тарас. – У санитара – соучастие. Не-а, не побегут стучать.

– Еще как побегут, – рассуждал сам с собой Гена. – Док мне тоже не показался, трухлявый, клянусь.

– Я сказал – остальным исполнять! – рявкнул Марат.

– А че ты командуешь? – беззлобно спросил Тарас.

– Потому что я самый умный, – отбрил Марат и поднял руку: – Все, закончили бакланить, спать пора.

Родион не принимал участия в перепалке, нервы и так вот-вот порвутся, тем не менее по совету Марата оставил

внедорожник у ворот. Все разошлись по комнатам. Родион набрал телефонный номер:

– Кира Львовна, простите, что разбудил вас, но не могли бы вы приготовить мне пару чашек кофе?

– Через пять минут принесу.

Ему нужно еще подумать, проиграть возможные варианты, хотя положение патовое, но еще не мат.

2

Он не дал выспаться сообщникам, впрочем, не прилег и сам, приказал Кире Львовне разбудить четверку, дал на завтрак и сборы сорок минут, после собрал в кабинете. Кинув на стол фотографии, Родион распорядился:

– Это для точности сравнения, разбирайте. На все про все у вас пять дней. Чтобы сократить поиски, заходите в агентства, где могут быть фотографии девушек в большом количестве. Загляните в молодежные клубы, бары, на спортивные состязания, концерты, в общем, ищите там, где собирается много народу. Гена и Марат, сегодня и завтра вы помогаете здесь, а послезавтра летите в разные города, поищите там. Билеты я заказал. Пройдетесь по тем же точкам, которые я обозначил.

И не поделился, что собирается делать с просто похожей девушкой, которая изначально не подходит. Нужна абсолютная копия, а из похожей девушки за две недели копию не соорудишь. И вообще, потерпели фиаско – это следовало признать, но четверка честно отправилась на поиски, потому что вера одного вселяла маленькую надежду в остальных.

Казалось бы, кого искать – ясно, но фотографии Родион дал не напрасно. Тот же Жорик, намеренно гуляя пешком, сколько раз замирал, видя похожую девушку, например, на остановке, украдкой сравнивал снимок с нею – не то. Зашел

в брачное агентство, смущаясь – по его логике, это должно составить о нем мнение как о человеке скромном и ответственном, – коротко сказал:

– Ищу жену, не могли бы вы помочь мне?

– Разумеется, у нас вы получите всестороннюю помощь, – засуетилась глава брачной конторы.

Она не знала, что Жорик не собирался ей платить, схватила с полки первый попавшийся альбом и сунула ему в руки. Он покосился на полки, а там альбомов... весь день придется на них угрохать.

В другом брачном агентстве Тарас бил себя кулаком в грудь:

– Нет времени устроить личную жизнь! А одному не (хотел сказать, не в кайф, вовремя одумался)... не... м-м... скучно! Я бизнесмен, у меня все (опять чуть не ляпнул: на мази)... налажено, кроме личной жизни. Как тут быть? Решил обратиться к вам... Только мне не абы какую, я красивых люблю... блондинок... Хотя волосы можно и покрасить, заодно нарастить до нужной длины... – одновременно рассуждал Жорик. – А, да! Главное! Сероглазых люблю. Да-да, чтобы глаза – серые. Уй, чуть не забыл! Чтобы рост сто семьдесят четыре сантиметра, третий номер... – обозначил ладонями грудь. – Ну и так далее.

На колени Тараса попадали альбомы – выбирай.

Марат двинул по имеющимся в городе театрам, пешком не находишься, он взял из гаража машину, подкатывал и нагло

заходил к администратору:

– Добрый день. Я продюсер, запускаю проект, а до сих пор не нашли молодой актрисы на довольно значимую роль. Просто катастрофа! Ищем по всей стране типаж...

Его водили по фойе, показывая портреты молодых актрис, певиц, балерин и – мимо. Мимо, черт возьми! Ну, встречались слегка похожие, только этого мало.

Гена понимал, что его рожа вместе с фигурой, предназначенные для тестирования дубинок – насколько те крепкие, – не внушают доверия, и вряд ли ему предоставят симпатичных невест, поэтому отправился в частную фирму по трудоустройству:

– Нам с женой подойдет девушка из ближнего зарубежья. Горничная должна быть молодая, энергичная, так ведь? Поэтому! Предварительно я хотел бы взглянуть на нее... них... э-э... на фотографии, если можно.

Сотрудница понимающе кивнула, явно угадав, зачем жлобу молодая горничная – в койке ее валять, эдакому бугаю жены наверняка мало. Но личное дело горничной – валяться или послать хозяина на известные три буквы из русского алфавита, а у нее свои цели. Ей бы пристроить работницу, комиссионные получить – и адье, дорогая.

Два дня до поздней ночи бегали как бобики по клубам, барам, вокзалам, соревнованиям, Жорик даже на балет сходил и на публику посмотрел, в антракте его разбудили, он решил: чего здесь торчать зря?

Напряжение нужно сбрасывать, у Родиона оно достигло высшей точки, когда не помогало ни спиртное, ни сон, ни развлечения, которых, кстати сказать, не было – сейчас не до них. Да и какой сон в его положении? Беспокойный, тревожный, мучительный, перенасыщен кошмарами, словно Родион – баба-истеричка. Где-то должна быть и отдушина, способная одновременно дать выход агрессии и помочь словить кайф, чтобы хотя бы несколько минут не находиться во власти жутких мыслей...

Он оставил машину не на парковке у гостиницы, где она будет на виду у проезжающих по дороге, а на платной стоянке. Идти было недалеко, Родион прикурил, поставив кейс на капот, потом неторопливым шагом дошел до гостиницы и вошел в лифт. Третий этаж... Коридор... Номер...

Отдушина лежала на кровати, прикрыв обнаженное тело простыней, а как только он вошел в номер, она села, не заботясь о соскользнувшей простыне. В ней соединилось много достоинств: довольно яркая внешность, чувственность, экзальтацией, от которой Родиона выворачивало, не страдала, но порывов в постели не сдерживала, умом не блистала, однако не была глупа. Можно сказать, идеал. Идеал для тех мужчин, кто строит свою жизнь по графику: карьера, семья, дети, старость, внуки. У Родиона видоизмененный график, его интересы выше банальностей, только жаль, не все подчинено тебе, не все можно предусмотреть.

Лихорадочный блеск в глазах, призывный и томный, не заставил его ринуться в омут страстей, он любитель растянутого кайфа. Спокойно глядя на Владу и предвкушая недолгое забытье, которое даст силы выстоять, Родион снял плащ, галстук, скинул пиджак и бросил его в кресло, затем двинул в ванную, расстегивая запонки. Вернулся скоро, обернув полотенце вокруг бедер, достал из кейса коньяк, налил в стаканы, один протянул Владе, сидевшей на кровати все в той же позе ожидания и призыва. Родион осушил стакан за два больших глотка, она выпила половину и отдала ему, он допил – спиртное его не брало последнее время, но именно сейчас расслабило.

Стоило ему прикоснуться к ее груди, Влада со стоном запрокинула голову, Родион уложил ее на подушки, целуя, отбросил полотенце. Обрывки мыслей еще туманили голову, но вскоре их сменил жар иного свойства. Да и как не окунешься в эти руки и губы, в эту жадность, выраженную в волнах дрожи, пронизывающих тело, и вздохах? И ни одного слова, кроме междометий, не произнесли. Собственно, оба сюда пришли не для разговоров, кстати, Родион ценил в ней это качество – умение не навязывать пустую болтовню. Может быть, Владе и было что сказать ему, наверняка было, ведь страсть на пустом месте не возникает, чай, не парнокопытные и хвостатые они, а люди, значит, в основе лежит нечто большее, чем похотливая тяга оторваться в подполье. Во всяком случае, обычно отрываются раз-два-три, а потом

разбегаются из-за недостатка интереса, несутся к новизне, конечно, если жизнь обеднена скукой. У них другой случай, не в скуке дело, да и связь началась не позавчера. Но ему нечего ей сказать, а Влада полностью растворилась в нем и в себе.

Курили одну сигарету на двоих. Молчали до тех пор, пока не позвонили Родиону, он встал, нашел в кармане пиджака трубку:

– Слушаю.

– Ты где сейчас? – спросил Марат.

– Проветриваюсь, меня не ждите. Как там?

– Пусто, Роди, пусто.

– У нас есть еще немного времени. Отдыхайте. Пока.

Родион вернулся на кровать, лег на спину, закинув за голову руки. Черт возьми, опять неудача, опять тревожные мысли заполнили голову. Влада не спросит, кто звонил, у нее нет этой пошлой манеры, свойственной женщинам, – совать нос в чужие дела. И не спросила ведь! А ограничилась поцелуями.

– Как долго мы не виделись, – произнесла она у его губ.

– Прости, мотался туда-сюда, у меня неприятности.

– Но ты был в городе. – Она не упрекнула, скорее сожалела.

– Иногда.

– Ты не убежишь после звонка?

– Нет. Твой-то где? Признаюсь, я удивлен, что тебе не по-

надобилось выкраивать время, замечать следы.

– Он уехал. Его не будет несколько дней. Мы еще увидимся?

– Да. Завтра.

– Как я ждала... Не могу без тебя... не могу...

Влада ластилась к нему, нет, она священнодействовала, дотрагиваясь губами до его плеч, груди, живота, будто исполняла ритуал. В сущности, она готовила его к следующему этапу – не с наскака и впопыхах, а растянутому. Главное, он знал, что только с ним Влада так раскрепощена, плачет и смеется одновременно, но не потому, что слезливая или смешливая, все очень просто: она теряет контроль, когда с ним. Ее самоотдача заводила, он получал в несколько раз больше наслаждения, чем можно представить. Родион отплатил ей долгим благодарным поцелуем. Но все это игра, приятная тем не менее...

Наступил третий день... Марат улетал первым, зашли в кабак выпить по чуть-чуть, как-то нерадостно было на душе, требовалось залить тоску горячительной настойкой.

– Не люблю самолеты, – глядя на панораму аэропорта, взлетающие и приземляющиеся авиалайнеры, промямлил Гена. – От меня там уже ничего не зависит.

– По большому счету от нас везде мало что зависит, – сказал Марат. – Смотри проще на перелеты, поспи.

– Поспишь, когда кругом гудит и трясет.

– А я сосну, мы которые сутки не высыпаемся. Допивай, посадку объявили.

– Ну, за успех безнадежного дела. А оно безнадежное.

Гена проводил его, понаблюдал, как взлетает самолет с Маратом, поежился, представив себя внутри этой железки, которая непонятно как летит с чемоданами и людьми внутри. Выкурив сигарету, сходил в бар и принял еще сто граммов, чтобы притупился страх перед небом. Пришел в равновесие, по телу разлилась расслабуха, теперь бы до кресла добраться.

В салоне самолета Гена пристегнул ремни задолго до требования бортпроводницы, устраивался, принимая удобное положение, намереваясь погрузиться в глубокий сон и вполуха слушая женский голос:

– Уважаемые пассажиры! Вас приветствует экипаж авиалайнера во главе с командиром пилотом первого класса...

Он мельком бросил взгляд на стюардессу и... замер. В первый момент Гена вообще не соображал, только смотрел на знакомое до жгучей боли лицо. Во второй момент зажмурился – спяну чего только не привидится, после нагрузок как психологических, так и физических. Открыв глаза, он почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

Этого не может быть, но он видел перед собой не похожую девушку, нет. Гена уже не слышал, что она там лепетала на улыбки, только видел точную копию той, фотография которой лежала в пиджаке. Рука машинально потянулась во внутренний карман, достала снимок...

Тем временем две стюардессы шли по салону, проверяя, кто не пристегнулся ремнями. А Гена сравнивал части лица: лоб – похож, нос – да, губы... Она подходит... Гена отстегнул ремни...

– Пристегнитесь, – сказала ему та, которую они искали так долго.

Глаза – точь-в-точь, овал лица... мочки ушей... Ему нехорошо стало, пот прошиб, ведь так не бывает! Но оригинал на снимке полностью совпал со стюардессой!!! Требовалось время, чтобы осознать, подумать, как теперь быть. Не заметил Гена взлета и самого полета, ему не мешали ни шум, ни вибрация.

Приземлившись, он помчался в кассу, предварительно изучив направления, хотя в его состоянии немудрено было забыть обо всем на свете. К счастью, у кассы очереди не было, Гена отер пот со лба и, протянув билет кассирше, волнуясь и запинаясь, выпалил:

– Я только что прилетел этим рейсом, не подскажите, когда летит этот же экипаж обратно? Этот, а не другой!

Кассирша что-то спросила по переговорному устройству, Гена ухо подставил к окошку, да не расслышал. Уже хотел замечание сделать, мол, уважаемая женщина, вам задали вопрос, какого хрена в рот воды набрала! А кассирша ответила:

– Завтра утром.

– Дайте, дайте мне... – начал рыться в карманах он. –

Блин, куда же паспорт делся... А, вот! Дайте мне билет. Хочу назад домой лететь с этим экипажем... А скажите, экипаж ваш или наш?

– Ваш, ваш, – чему-то улыбнулась кассирша.

– Билет... пожалуйста... один... мне...

Зажав билет с паспортом в лапиче, он выбежал из здания аэровокзала в поисках тихого места. Однако вблизи самолетов тишины не бывает, Гена залез в такси, бросив водиле:

– В гостиницу. Ближайшую.

– По дороге только кемпинги...

– Сойдет. Мне завтра рано надо...

И, откинувшись на спинку, закрыл глаза, а по вискам, щека, катились струйки пота. Нет, так он еще не волновался никогда, даже почувствовал, где у него сердце бьется, – ничего приятного, сразу мысль посетила: может случиться, что и перестанет биться. Жуть.

В кемпинге нашелся один двухместный номер, Гена оплатил его полностью, а то поделят какого-нибудь придурка, потом терпи его. В номере, упав на кровать, он достал наконец трубку и вызвал Родиона.

– Роди, я нашел! Так не бывает, но она – точная копия.

– Точная копия? Как это?

А-а, значит, Родион сам не верил, что такое возможно! Интересно, как же тогда он собирался выкрутиться? Гена хотел было пуститься в красноречие, да не больно-то он силен в этом деле, однако нужные слова подобрал:

– Хм! Ее надо видеть, только тогда поймешь. Все, как срисовано! Один к одному! Я в ауте. Фигура, улыбка, глаза... Пластика не нужна, клянусь, Роди! Да и нет на нее времени. Останется одна проблема, но это мелочь... если, конечно, она не даст дуба, как первая...

– Не может быть, – наконец вымолвил Родион. – Где ты ее откопал?

– В самолете. Она стюардесса. Завтра утром лечу с ней назад, приезжай посмотреть. Резких движений не делай, а кого-нибудь пошли за ней, чтобы выяснил, где живет, с кем... Она из наших стюардесс, я узнавал. Встретимся напротив служебки аэропорта, только держись подальше.

– Ты гарантируешь, что я...

– Узнаешь ее, узнаешь, – заверил Гена.

Михаил высадил Захара с букетом пионов у служебного выхода и отогнал машину на общую парковку, места у аэропорта полно – это не городские улицы. Тем временем, сунув букет под мышку так, что бутоны украсили его спину, а хвостик торчал практически из груди, Захар медленно прошаживался, умудрившись еще и руки заложить за спину. Несмотря на двадцатидевятилетний возраст, он выглядел юнцом, очевидно, из-за поджарого телосложения. Впрочем, постоянно удивленно-наивное выражение глаз тоже делало его похожим на мальчишку. Михаил коренастый, состоящий из надутых мышц, сразу видно – спортсмен. В отличие от Заха-

ра, он спокоен, как памятник, но прошло минут десять, а Мишка куда-то пропал. Захар вытягивал шею, стараясь поверх других голов разглядеть коротко стриженную. Лично он предпочитал не оголять череп.

– Я здесь, – сказал за спиной Михаил.

– Куда ты пропал? – обернулся Захар.

– Ходил смотреть, прилетел ли самолет. Прилетел. Пассажиры разбирают чемоданы.

– Значит, вот-вот выйдет.

– Да вон она.

Светлана кинулась к Захару, а тот, забыв, что под мышкой букет, раскинул руки, принимая девушку. Падающие пионы успел подхватить Михаил, он неловко топтался, пока друг целовался со Светланой. Две стюардессы, появившиеся следом, приостановились и хихикали, одна потянула другую за руку, сказав Светлане:

– Светлячок, автобус отправляется через пять минут.

– Меня не ждите, – прервав поцелуй, но глядя на Захара, сказала она. – Я с Захаркой и Мишкой поеду. Пока. Захар... как я соскучилась! Ну, признавайтесь, кто из вас?

– Мишка, черт возьми, чемпион в своей категории! – ответил Захар. – А у меня серебро.

– Поздравляю! Обоих! Серебро – это же здорово. Ой, это мне, наверное? – заметила она пионы, забрала их у Михаила, опустив в бутоны нос. – М-м, как пахнут... Мальчики, я рада за вас. Отметим сегодня? А медали покажете?

– Естественно, – рассмеялся Михаил. – И медали покажем, и вечером в бар ходим. А сейчас идемте в машину, там будете целоваться.

Но и по пути к авто Светлана с Захаром только и делали, что целовались.

Родион, наблюдая за троицей, не отрывал бинокля от глаз до тех пор, пока они не сели в машину. Жорик беспрестанно щелкал фотоаппаратом, хотя зачем теперь снимки? И без фотографий уникальное сходство бросается в глаза, да еще как бросается! С ними находился и Гена, но он уже насмотрелся на двойника, теперь следил за Родионом, Тарасом и Жориком, а они почти никак не выказали изумления, видно, от шока.

– Ну? – не выдержал Гена. – Как вам девочка?

Авто с девочкой укатило по направлению к городу, наконец и Родион опустил бинокль, только сейчас Гене стало заметно, в каком он состоянии.

– Фантастика, – уставившись себе под ноги, произнес Родион. – Выходит, она жила у нас под боком, а мы ни разу с ней не сталкивались?

– В мегаполисах не бывает «под боком», – заметил Тарас. – Здесь между соседями на одной площадке расстояние, выражаясь фигурально, не меньше ста километров.

– А я в отпаде, – сказал Жорик, просматривая кадры на фотоаппарате. – У нее даже волосы точно такие, как надо.

Нет, правда, будто сняла скальп и надела на себя. Только чечечки нет.

– Вот интересно, а у меня есть двойник? – мечтательно произнес Тарас.

– Есть, есть, – ехидно сказал Жорик. – Осталось найти его, а потом... Грабишь, скажем, ювелирную лавку, а в тюрьму топают двойник. Очень удобно.

– Отвали, а? – обиделся Тарас. – Между прочим, стюардессу еще надо заставить пахать на Роди, не думаю, что это будет легко, как в прошлый раз. Она вон как в пацана вцепилась, у нее любовь – это видно. И работа есть – за облаками летает, а не клиентов ловит на трассе. У нее все есть, таких не заставишь.

– Не бойсь, Тарас, – дружелюбно хлопнул его по плечу Жорик, – Марат с Генкой умеют заставлять.

Родион будто не слышал их, но это было обманчивое впечатление. Чувствуя неотвратимость краха длительное время, он научился думать, слушать и анализировать одновременно. Нельзя ничего упустить, малейшая ошибка – и конец.

– Судьба, говоришь? – повернулся к Гене Родион, напомнив тому высказывание в лесу. – Не для того ли она убрала девочку, над которой мы изрядно попотели, чтобы кинуть нам стопроцентное попадание? Жора, Тарас, я хочу знать о ней все. И о парнях, с которыми она села в машину. Живо за ними. Мы с Генкой на такси вернемся.

Идя к стоянке, Гена поинтересовался:

– А Марат? Ты ему сообщил?

– Прилетит вечером. Честно скажу, я сомневался, когда давал отбой, но теперь... Она единственный наш шанс, сто-процентный шанс. Во всяком случае, так видится издалека.

– Вблизи ты вообще опупеешь. Я до самой посадки прибитый сидел, думал, у меня галюники начались.

– Ну, посмотрим, посмотрим.

В такси Родион был сосредоточен на своих мыслях, но прежнего упадка, беспокойства в зрачках, а иногда и отчаяния не наблюдалось.

3

В баре было людно, сверхмузыкально, а от частоты мелькающих огней рябило в глазах, но все эти явные неудобства для старшего поколения не мешали молодежи. Когда внутри поет, а энергия бьет фонтаном, громкой музыки кажется мало, гомона мало, световых эффектов мало. Потому, выплясывая на площадке, они подкрепляли свой кураж совершенно дикими воплями, освобождаясь от лишних эмоций.

Закончив плясать папуасский степ, Светлана повисла на шее Захара, Женя, милая круглолицая девчушка, обнялась с Михаилом. Чертовски устали, оттого дышали, как после забега басмачей, от которых долго удирали, испытывали жажду, к тому же изрядно вспотели, потому вернулись за столик, а не ринулись скакать под следующую музыкальную композицию. Взяв свои стаканы с коктейлем, четверка дружно чокнулась, но отпили только по глотку, схватили другие стаканы – с водой – и выпили залпом.

– Предлагаю в воскресенье съездить на ручей! – крикнул Михаил.

– Не могу, – в ответ крикнула Светлана, – у меня рейс.

– А в субботу? – не унимался Михаил.

Светлана лишь утвердительно закивала, не в силах больше прилагать усилия, чтобы перекрычать грохот. Захар пригнул ее за плечи и сказал достаточно громко, но даже она

услышала с трудом:

– Потом ко мне поедем?

Светлана повернула к нему улыбающееся лицо и легонько чмокнула в губы, это и был знак согласия.

– Чего это вы шепчетесь? – громко возмутился Михаил.

– Считаешь, здесь можно шептаться? – рассмеялась Женья.

Но у нее от природы голосок тихий, как ни старалась, а никто не услышал, однако и этого было достаточно, чтобы хором без существенного повода рассмеяться. Светлана вдруг вспомнила, вытащила из сумочки телефон, знаками объяснила, что ей необходимо позвонить, и вышла в холл.

В этом калейдоскопе суматохи, шума, грохота, а также в полумраке разве заметишь, что за тобой некто подозрительный наблюдает, к тому же не один? Светлана не заметила, как ее провожают глазами двое, один так и вовсе пошел следом. Жорик закурил и, не таясь, слушал, о чем она говорит:

– Буся, я не приду сегодня домой... Ну, где могу быть, ба! У Захара, конечно... Это у вас была сначала свадьба, у нас сейчас по-другому... Буся, не сердись, тебе не идет... Женится, никуда не денется. И вообще, сейчас модно жить в гражданском... Молчу, молчу. Не забудь на ночь заварить валерьянку, два пакетика на полстакана, и будешь спать до утра... Ба, не ленись, я на себе проверяла, помогает. Пока, любимая моя!

Светлана ушла в зал, Жорик бросил сигарету в пепель-

ницу и вернулся к сучающему Гене. Недолго им пришлось ждать, четверка, оттанцевав пару медленных танцев, вернулась к столику забрать вещи и теперь продвигалась к выходу.

Лес... какой-то сумрачный... Стволы мокрые и серые, куда ни кинь взор – кругом серая дымка... Это не дымка, это туман, вблизи он рассеян, вдали – густой, очертания стволов различимы с трудом. Поэтому теряешься, не зная, не видя, в какую сторону надо бежать. А она бежит, бежит... Она убегает. За ней гонятся. Оглядываясь, она видит только черную тень, выныривающую из тумана. Каждый раз тень ближе. Но все равно неясная, размытая, оттого страшная. А ноги переставляются все медленнее, будто к ним липнет мокрая земля. «Помогите!» – кричит она. Все, силы кончаются. Вдруг спину проткнуло что-то острое. Нож. Она не видела, но поняла, что это нож. Упала лицом на влажную траву. Тот человек, который гнался за ней, тащит ее. Куда? Что он хочет? Теперь она полетела вниз, задевая то ли ветки, то ли корни. Яма. Она в яме, на нее летят комья земли. Значит, живьем закапывают. «Помогите... хоть кто-нибудь...», – едва живая, шепчет она и плачет. Нечем дышать, это конец. И тут совсем рядом раздается спасительный тихий голос:

– Светлячок... Проснись...

– А? – вздрогнула Светлана.

– Ты так стонала, будто тебя во сне пытаются. – Захар включил настольную лампу. – Тебе плохо?

– Нормально. – Она села, огляделась и убедилась, что находится не в жуткой яме, а с Захаром в постели. – Просто идиотский сон снится из серии «Кошмар на улице Вязов». Но как наяву... один и тот же... почти одинаковый сюжет... с небольшими изменениями. Просыпаюсь, и мне почему-то не по себе. Может, мой сон что-то значит?

Захар притянул ее к себе. Когда Светлана вновь улеглась, положив голову ему на грудь, он, не придавая значения потусторонним страхам, рассмеялся:

– Ну-ну, ты еще к гадалке сбегай. Успокойся, я с тобой, а ночные кошмары... это переутомление. Может, ты залетела?

– Боже упаси, иначе бабушка убьет меня.

Светлана крепче прижалась к нему, как хорошо, что страшный лес с фантомом остались во сне, а наяву есть... Губы, руки, глаза, нос и шевелюра вместе с ушами Захарки. Эта маленькая квартира в старом доме, дышащем стариной, где спокойно, как в бункере, а во дворе – крошечный садик, где ранней весной цветущие яблони дурманят голову. Есть ночные шорохи, здесь слышишь, как распускаются и растут листья на деревьях; лунные пятна на ковре и кровати, пробравшиеся через настежь раскрытое окно и так бесстыже подсматривающие за ней с Захаром! Еще запахи... запахи, оставшиеся от прошедшего дня, нагретого весенним солнцем; запахи зеленой травы, смешанной с ароматами пионов, которые Захар сегодня нагло ободрал у соседки под окном, чтобы встретить Светлячка. У него всегда не хвата-

ет времени заехать за цветами, а без них он не может, видите ли, поэтому, случается, занимается воровством. Главное, всего этого у Светланы в избытке... Стоп, кажется, подобные ощущения называются счастьем. Вот так открытие!

– Неужели ты боишься бабушки? – вывел ее из состояния эйфории Захар.

– Еще бы! Она как посмотрит... И до сих пор думает, что мне семь лет, остальные двадцать не считаются.

– У женщин есть привычка: недосчитываться пары десятков лет. Слушай... – и замялся.

– Что? – приподнялась она на локте. – Ну, говори же! Что-то случилось?

– М-м... У тебя... случайно... нет желания переехать ко мне?

Нет, каков! Важное предложение сделал небрежным тоном! Что ей остается? Ответить, мол, я об этом только и мечтаю, буду готовить тебе еду, соблюдая правила диеты спортсменов, гладить пододеяльники, ах, как долго я этого ждала? Перебьется.

– Ага, – фыркнула Светлана, – если перееду без штампа в паспорте, бабушка убьет тебя. Ты же не хочешь, чтобы старушка остаток жизни провела в тюрьме? Мне и так за сегодняшнюю ночь достанется, кстати, тебе тоже, будь готов.

– М-да, у нас нет выбора. Чтобы не стать трупами, придется расписаться.

– Не говори, – театрально вздохнула она, – придется.

– Светлячок, – Захар приподнял ее за плечи и заглянул в лицо, – я серьезно.

– И я серьезно, – несерьезно сказала она.

– Тогда так. С утра у меня показательные соревнования... Ты не приходи, а то я соперников не разгляжу, буду видеть только тебя. Подъезжай к двенадцати... нет, в половине первого жди меня у спорткомплекса со стороны площади. Поедем подавать заявление. Ой, у меня тут и кольцо завалилось...

Какой лгун! Кольцо у него завалилось! Захар всего-то опустил руку, с пола поднял коробочку и отдал подарок Светлане. Она приподняла верхнюю бархатную часть, заодно открыла ротик...

Второй час ночи. Родион не ложился, не ушли в свои комнаты и Гена, Марат и Жорик, потому что настало время принять решение, сложное решение – как именно им всем действовать. Думал и взвешивал, разумеется, Родион, не советуясь с сообщниками, которым предстояло принять выбранный им путь. К тому же разлетевшийся вдребезги план требовал существенных коррективов.

На столе перед Родионом лежали фотографии, штук двадцать, может, больше. Одни отпечатаны сегодня, другие сделаны примерно полгода назад, главное не это. А то, что нет никакой разницы между ними! Но подкатывал к горлу сладковатый комок, потому что договариваться по-хорошему нет

времени. К тому же девушка, по всей видимости, благополучная, значит, не согласится. Впрочем, они зашли слишком далеко, чтобы спрашивать чье-то там согласие, есть глагол «заставлять», его и нужно брать за основу.

Растопыренными пальцами Родион перемешал фотографии, словно он шаман и проводит сеанс колдовства. Наугад выбрал несколько штук, расположил их веером в руке и повернул к мужчинам, задав на сегодняшний день главный вопрос:

– Кто из них кто?

Марата поставили в известность, что девушку нашли, но по просьбе Родиона ему не рассказывали, какая она, он увидел ее впервые. Впрочем, кого – ее? С фотографий смотрела одна и та же женщина, что озадачило Марата, тем не менее он неуверенно выговорил:

– Я могу определить только по одежде, которую помню... Ну, еще форма стюардессы подсказывает... У этой челка, у этой нет... Обалдеть!

– Две капли – и то не будут так похожи, – ухмыльнулся Гена, чувствовавший себя героем дня.

Родион повернул к себе «веер», затем бросил взгляд на стол, где лежали другие снимки, и, в который раз не веря своим глазам, произнес:

– Потрясающе. Их не различить. Жора, что выяснили?

– Зовут Светланой, – встрепенулся тот, ибо его одолевала дрема. – Будете смеяться, но ей двадцать семь лет.

– Может, наш уважаемый папаша сделал девочку не только жене? – пошутил Гена. – В одно и то же время окучил еще одну тетечку?

Марат действительно самый умный, во всяком случае, соображает реально:

– Для абсолютного сходства нужна одна и та же мамаша, да и то нет гарантии, что получатся похожими. Это игра природы или ее издевательство.

– Кончайте базар, и так время позднее, – бросил им Жорик. – Короче, живет она с бабкой, больше никого из родственников нет. Был отец, где-то там погиб... не знаю. Парня ее зовут Захар, спортсмен, занимается дзюдо, только что вернулся с соревнований, занял второе место. Сейчас она у него, Тарас пасет ее. Его друга зовут Михаил, тоже дзюдоист, чемпион. Подругу Михаила зовут Женя, она работает в чайной лавке продавцом. Больше информации на сегодняшний день не имеем.

– Этого достаточно, – проямлил Родион.

Фотографии из его руки выпали, смешавшись с остальными. Все, решение он принял жестокое, надо сказать, успел обдумать в деталях, которые обговорит с присутствующими позже, в основном с Маратом. Заодно отсек пути к отступлению. Собственно, цель не изменилась, а назад дороги не было изначально.

– Завтра берем ее, – решительно сказал он. – Но чтобы ни одного свидетеля...

– Боже мой... – задохнулась от восторга Светлана. – Какое тоненькое... А что за камешек?

– Бриллиант, конечно! – не без гордости сказал Захар, подперев голову рукой и млея от удовольствия, наблюдая за Светланой. – Ноль целых семь десятых карат! Но со всеми положенными гранями – их пятьдесят семь.

– Пятьдесят семь?! В таком малюсеньком?! Жаль, нет лупы, чтобы посмотреть на грани... – Она надела колечко на палец и разочарованно протянула: – М-м-м! Великовато...

Захар сел, взял ее руку, рассмотрел, но не расстроился:

– Я-то думал, точно в размер попал. Ничего, пусть полежит, растолстеешь, например, после родов и наденешь. А пока куплю обручальные, как положено.

– Растолстею? Даже не мечтай. – Светлана шутливо ударила его по лбу ладонью. – Я стюардесса, обязана заботиться о фигуре, потому что моя внешность располагает пассажиров, внушает им доверие и спокойствие: раз я лечу в самолете, с ними ничего не случится.

– А я, когда ты в своем небе, на земле места себе не нахожу. К тому же на тебя мужики пялятся. Нет, расписываемся и срочно беременеем, я так решил.

– А как же, все пялятся, – снимая с шеи цепочку, промурлыкала Светлана. – И даже через одного номер телефончика просят.

– И ты даешь?! – нахмурился он.

– Если бы я всем подряд раздавала номер, то жизнь провела бы в одних переговорах. Твой подарок, ревнивец, буди носить на цепочке... Застегни.

Захар застегнул цепочку, повалил Светлану, пообещав:

– Когда-нибудь... когда заработаю кучу денег... куплю тебе бриллиантовый булыжник, чтобы ходила и светила им за километр.

– Глупый, я без булыжников тебя люблю. (О боже, первая сказала!) А ты?

– Она еще спрашивает! У меня такое ощущение, будто я знал тебя давно, так давно, что не помню этого. Но помню, что любил только тебя, понимаешь?

– Понимаю. Как здорово... – Светлана обняла его и зажмурилась, представив... – Захарка, а ведь меня тогда еле уговорили пойти на соревнования, я дзюдо не отличала от бокса. Сейчас подумать страшно, что могла и не пойти...

– Если бы ты знала, как мне было страшно подойти к тебе. Спрашиваю внутренний голос: подойти или не стоит?

– А он что?

– Он в приказном порядке отправил меня к тебе, помню, как колени дрожали... Слушай, зачем думать о том, что могло не случиться?

Она поняла: счастье – это бесконечно долгие поцелуи.

Светлана поднялась рано, а Захару дала поспать, собралась будить, когда времени почти не осталось. Она забралась

на кровать, наклонилась к нему и тихо рассмеялась, глядя, как он сладко спит, по-детски раскинувшись. Но пора вставать. Светлана пальцем слегка стукнула по носу Захара, потом два раза быстро, потом три раза и еще – тук. Это своеобразная азбука Морзе – тук – тук-тук – тук-тук-тук – тук – означает просыпайся. Обычно он морщится, кряхтит, отворачивается, натягивает на голову одеяло, на этот раз спросил сонно:

– Который час?

– Если ты сию минуту поднимешься, то, может быть, успеешь на соревнования.

Он как подскочил! И не стал ругаться, ведь каждый раз одно и то же: Светлана, жалея его, никогда не будила вовремя. Разумеется, завтрак Захар поедал на бегу, одновременно одеваясь, пришлось кормить его, пока Захар зашнуровывал кроссовки. Чмокнув Светлану в щеку, схватив бутерброд, он вылетел из дома и помчался ловить такси...

Всю ночь Тарас просидел в автомобиле, умаялся, спина ныла, клонило в сон. Собственно, ночью он вздремнул, полагая, что любовники надолго застряли в квартире, им ведь есть чем заняться в отличие от него. С рассветом он выходил несколько раз слегка размяться и прогнать сонливость, развлекал себя фильмами – догадался захватить проигрыватель. Как только увидел «хахалю», Тарас позвонил:

– Роди, он убежал, она у него осталась.

– Стой на месте...

– Роди, имей совесть, я всю ночь проторчал здесь...

– Сейчас отправлю к тебе Гену с Маратом, зайдете и заберете ее.

Тем временем Светлана, едва за Захаром захлопнулась дверь, кинулась собираться. Видишь ли, она помешает ему на соревнованиях! А ей-то что делать здесь одной? В конце концов, это показательные соревнования, от них ничего не зависит, а она выберет укромное местечко, Захар ее не заметит.

Времени полно, показ начнется через два часа, просто спортсменам нужно размяться. Тем не менее Светлана торопливо нанесла тушь на ресницы, подвела брови, наредила губы, причесалась. Поправив платье перед зеркалом и закинув на плечо ремешок сумочки, она придирчиво осмотрела себя. А что там рассматривать? Из нее потоками льется счастье, сияют глаза, улыбка приклеилась к губам и не собирается отклеиваться. Вот улыбку лучше снять, на лицах улыбающийся человек смотрится неестественно, подозрительно, словно больной на голову. Светлана попробовала собрать мышцы лица в бесстрастную гримасу – ничего не получилось. Ладно, можно выходить... Куртку не забыть бы, весна коварна.

Марат поставил авто за машиной Тараса, потом переместились к нему.

– Она там? – спросил Марат.

– Не выходила, значит, там, – ответил Тарас.

– Короче, сейчас заходим, – делился планом Марат, доставая пистолет, – звоним. Гена говорит, что мы из милиции...

– А она удостоверение потребует показать, – предположил Тарас. – В глазок.

– Удостоверение у нас есть, – ухмыльнулся Гена. – Липовое.

– Как только открывает – берем ее.

– А пушка зачем? – фыркнул Тарас. – Мы ж не убивать ее идем.

– Под пушкой она не посмеет вякнуть, станет послушной и покорной, – сказал Марат, открывая дверцу.

Только выбрались из машины, а тут Светлана нарисовалась! Все трое опешили, застыв на местах, правда, Тарас произнес чуть слышно:

– Чего стоим? Хватаем и тащим...

– По сторонам посмотри, – процедил Марат. – Нам не нужны свидетели.

– Глянь, как чешет, прямо выписывает, – восторженно вымолвил Гена. – И задница крутится, как колесо обозрения. Видно, парень ей попался что надо, а у меня баб не было... Что ты сказал про свидетелей? Где?

– Вон, – буркнул Марат. – И вон. Глаза разуй.

М-да, обычно подобные старые узкие улочки пустуют в течение двадцати четырех часов, но в свои права вступил закон подлости. С одной стороны бабка с декоративным пуделем ползла по тротуару, на роликах катались парнишка с де-

вочкой – другого места не нашли. А чуть дальше по направлению к похитителям шли мужчина с женщиной, оба явно «ботаники», такие в свидетели сами лезут, их просить не надо, потому что типа честные. Ну, еще три человека находились в отдалении с другой стороны.

– Едем за ней, – бросил Марат, идя к авто.

– Слушайте, я не спал ночь... – запротестовал Тарас. – Я не соображаю... у меня реакция снижена...

– Да без тебя обойдемся, – отмахнулся Гена. – Гони на базу.

Они с Геной сели в машину и укатили.

Светлану заметили на остановке, здесь тоже ее не забережь. Она села в троллейбус, которому Марат встал в хвост и тащился за ним на черепашьей скорости. Девушка сделала пересадку, ехала еще с полчаса, вышла у спорткомплекса и побежала внутрь, оба преследователя рванули за ней. Девушка купила билет, естественно, Марат с Геной тоже приобрели билеты, тем более что цена копеечная.

В небольшом зале зрителей собралось прилично, включая детвору разных возрастов, очевидно, это те, кто так или иначе имел отношение к дзюдо. Главное, всех видно, Светлану в том числе. Не теряя времени, Марат позвонил Родиону:

– Мы в спорткомплексе на соревнованиях, она здесь... Часа два эта бодяга продлится... Подъезжай, может, с твоей помощью получится, ты ж у нас везучий.

Начали с показа упражнений под музыку: стройные ше-

ренги молодняка, махи ногами, кувырки, сальто, удары по воздуху...

– И это все? – скорчил кислую физиономию Гена. – Слабовато.

– Должны и мастера выступить, – зевнув, сказал Марат.

Действительно, после показа упражнений начались бои, которые тоже не произвели впечатления на Гену.

– Я-то думал, дзюдо – это... – Гена потряс кулаком. – А это... – Он расслабил кулак, кисть безвольно повисла.

– Дзюдо – спорт, а не шоу, – заметил Марат, скучал и он.

– Я в колонии для несовершеннолетних научился кулаками махать без всякого дзюда. В лобешник как запустишь кулак, так и нос на сторону.

– Дзюдо не склоняется, – буркнул Марат.

– Куда не склоняется?

– По падежам, – огрызнулся Марат. – Заткнись, а? Лучше следи за девочкой.

– Че за ней следить? Вон сидит, хакает что-то.

Диктор объявил мастеров спорта Захара Макагонова и трудно выговариваемую фамилию, явно таджикско-узбекскую или еще какую восточную, а в зале раздался рев. М-да, здесь собрались истинные любители, кроме двух человек, и болели они, как на хоккее, значит, понимали, что происходило на ковре.

– Гляди-ка, он еще и победил, – уважительно отозвался о Захаре Гена.

Светлана, когда вышел Захар, пряталась за спинами, после его победы она подлетела с места, замахала руками и закричала:

– Захар! Захар!

Вряд ли он расслышал ее голос, тем не менее увидел! Захар улыбался, скромно кланяясь, улыбался всем и Светлане в частности. Она подпрыгивала, одновременно посылала ему воздушные поцелуи.

– Я сейчас расплачусь, – съязвил Гена. – Мы разлучим...

– Как ты меня достал, – застонал Марат. – Боюсь, из-за их романа у нас возникнут осложнения. Так, бодяга близится к финалу, пошли. Роди наверняка уже здесь. Я буду у центрального входа ждать ее, а ты с той стороны покарауль.

– А если она со своим победителем...

– Значит, – перебил Марат, – будем выжидать, когда останется одна.

На татами демонстрировал свое мастерство Михаил.

4

Светлана прошла через центральный ход, обогнула комплекс, пересекла небольшую площадь и уселась на бордюр, отделяющий проезжую дорогу, больше нигде было присесть. Три голубя, слетевшие с крыши спорткомплекса, бегали вокруг девушки, не приближаясь. Светлана достала несъеденную пачку чипсов, крошила и кидала корм голубям, вскоре они осмелели. Время от времени она оборачивалась на спорткомплекс...

– Его ждет, – догадался в джипе Марат, сканируя глазами местность. – Кажется, удача на нашей стороне... Почти никого... во всяком случае, поблизости никого...

– Те, что далеко, – не считаются, – сказал с заднего сиденья Родион. – Ребята, действуем быстро. Жорик, жми!

Внедорожник способен с места набрать бешеную скорость, затормозить и то сложнее – лишь бы мозги вовремя усекли, но опытный водитель чувствует, когда нажать на тормоз, умеет мягко останавливать авто. Всего лишь миг – и они у цели. Задняя и передняя дверцы (со стороны пассажира) открылись одновременно, на асфальт разом спрыгнули Марат с Геной...

Захар вышел из здания с Михаилом, дальше их дороги расходились, они пожали руки, прощаясь, и вдруг...

– Света... – выговорил Захар, увидев, как ее забрасывают в джип совершенно незнакомые люди. Он кинулся к ним, но, черт возьми, впереди площадь! Поэтому Захар закричал, обращая на себя внимание двух подонков: – Эй! Куда вы?.. Эй!!! – Джип сорвался с места. – Мишка! Светку увозят! Стой!..

Те, кто находился в джипе, не услышали его или услышали да посмеивались себе, наблюдая через заднее стекло за погоней. А он бежал по проезжей части, пока джип не повернул. Остановившись, Захар взмахнул руками, ударил себя по бедрам, походил, будто зверек в клетке. Подоспел Михаил, а сзади просигналил автомобиль, оба ушли с дороги.

– Ты уверен, ее увезли? – спросил Михаил.

Захар был в ярости, посему напустился на друга, словно он виноват:

– Она меня ждала, мы договорились! Заявление собрались подать в загс! Черт! А ты? Ты разве не видел? Ее же запихнули в джип! Она никакая была! Черт! Черт! Куда теперь?..

– Номер видел? Запомнил?

– Номер, номер... Заляпан грязью! Нет, первая цифра... то ли восьмерка, то ли девятка. Точно – восьмерка или девятка. Вторая... похожа на семерку... А третью... нет... не запомнил, не увидел.

– Поехали! – решительно двинулся Михаил.

– Куда?

– У нас теперь одна дорога – в милицию. Поехали, я на колесах.

В бессознательном состоянии Светлана полулежала в джипе, запрокинув голову, ее придерживал Родион. Он осторожно убрал с ее лица волосы, его пальцы, слегка касаясь, прошлись по лбу девушки, носу, губам, подбородку и шее. Его удивить трудно, но сейчас Родион был потрясен, о чем произвольно высказался вслух:

– Невероятное сходство, даже я ошибся бы, если бы мне она попалась случайно.

– Различие есть – голос, – сказал Гена. – Но это же не проблема, Роди?

– Не проблема... Она не сильно пострадала?

– Ерунда, – бросил через плечо Жорик. – Разряд не смертельный для человека, очухается. Электрошок придуман от людей. И от собак размером с лошадь. Кто за машиной поедет? А то оставили на виду, сейчас угонщиков тьма...

– Ты и съездишь, когда нас привезешь, – распорядился Марат.

Родион увлекся. Он любовался девушкой, как любит любовник, впервые переспав со своей желанной женщиной, он улыбался ей. Да, ей. Правда, она этого не знала. Но, может быть, его улыбка – экстаз хищника, который с наслаждением поиграет с жертвой, а потом безжалостно погубит ее. С любовью, которую Родион не испытывал никогда и ни к ко-

му, он, приблизив губы к лицу Светланы, назвал ее другим именем:

– Лиза...

В отделении они очень шумели, дежурный не мог понять, чего им надо. Мимо проходили два сотрудника милиции, попытались вникнуть в суть, тоже ничего не поняли, отвели Михаила и Захара в кабинет, один представился:

– Моя фамилия Стриж, я следователь. А это Наговицын, он оперативник. Теперь спокойно, без эмоций объясните, что произошло.

Откуда взяться спокойствию! Едва Захар выпустит тираду, Михаил вторит ему. Стриж поднял руку:

– Тише! Ты, – указал на Михаила, – садись и пиши. Вот тебе бумага, вот авторучка. Подробно пиши, как и что было. А ты рассказывай.

Кое-как, с наводящими вопросами, приводившими Захара в бешенство, но все-таки он рассказал о похищении. Вопросы Стриж задавал, чтоб снизить накал, ведь человек сначала должен выслушать, после хоть секунду подумать, этого времени хватает, чтоб немного из него вышел пар. Выслушав, Стриж спросил:

– Ты не ошибся? Может, встретила приятелей, села к ним в машину...

– Нет! – взвился Захар, пара в нем не уменьшилось. – Она не сама садилась! Она в отключке была! Что они с ней сдела-

ли – не знаю, но два амбала закинули Светлану на заднее сиденье! Один подхватил сумку и залез в салон! Это похищение! А вот... – достал сотовый телефон. – Смотрите: я звоню ей... Слушайте! – протянул трубку Стрижу. – Слушайте, слушайте! Абонент недоступен!

– Я написал, – сказал Михаил, протянув лист Стрижу. – Еще что-нибудь добавить?

Тот прочел, поглядывая на мечущегося Захара: то он бухнется на стул, то подскочит, то к двери подойдет, неизвестно за какой надобностью, то вернется.

– Не густо. – Стриж передал лист Наговицыну. – Ну а марка машины?

– «Лексус», – заявил Михаил тоном, который не должен вызывать сомнений. – Внедорожник. Семиместный. Цвет – металлик. Я планирую приобрести такой же.

– Вообще-то, – подал голос Наговицын, – заявления о пропаже принимают через три дня, процедура такая. Бывает, через три дня пропавшие возвращаются домой...

– Какая пропажа! – возмутился Захар. – Какая пропажа? Она не пропала! Ее увезли, увезли насильно – сколько раз повторять?!

– Не кипи, парень, – спокойно остудил его Стриж. – Вы на колесах? – Михаил утвердительно кивнул. – Вам повезло, что у нас время есть, сейчас поедem на место, я только заявление закину, кому положено его принять. Ждите на выходе.

Из «тумана» проступило женское лицо – скуластое, изрытое морщинами, с прищуренными, будто от солнечных лучей, глазами и тонкими, потерявшими форму и цвет губами. Раньше Светлана это лицо никогда не видела, оно отталкивало. В подобных ситуациях память не сразу возвращается, первое, что волнует после забвения, – кто это и почему? Старуха выпрямилась и кому-то сообщила:

– Все в порядке, она пришла в себя.

– Вы кто? – промямлила Светлана, чувствуя, что с нею что-то не так.

– Меня зовут Кира Львовна, ты забыла? – ответила старуха.

– А я должна вас помнить? – Довольно быстро в голове Светланы прояснялось, непонимание сменялось паникой, особенно когда она заметила трех незнакомых мужчин. – А это кто? Что вам нужно? Где это я?..

– Успокойся, дорогая, тебе ничего не грозит... – сладко сказала Кира Львовна, настолько сладко, что Светлану чуть не стошнило. – Держите ее!

Да, придя в себя, еще не вспомнив, что произошло, Светлана вскочила с дивана, на котором лежала, и напролом ринулась к выходу. Ее перехватили Гена с Маратом да больно так скрутили, что кости едва не переломали, но чувство опасности в незнакомой обстановке заставило забыть о боли. Где-то в затылке сидело: не дадут уйти. Но что значит твой собственный затылок по сравнению с желанием убежать?

Светлана зверски вырывалась, пыталась зубами достать тех, кто ее держал, и кричала:

– Отпустите! Да пустите же меня!.. Какого черта... Что вы за люди...

Не ожидал Родион, что она проявит агрессию, в его представлении женщина, очутившись в шкуре похищенной, должна стать подавленной, стараться поладить с похитителями. Сунув руки в карманы, он кивнул в сторону Светланы, сказав Кире Львовне:

– Сделайте же что-нибудь.

– Если будут держать крепко, я помогу ей уснуть, – заявила та.

Светлану кинули спиной на стол, Гена придавил ее за шею так, что она моментально перестала оказывать сопротивление, Марат вытянул руку девушки, прижав к столешнице. А Кира Львовна была готова – между ее пальцами торчал шприц, который привел Светлану в неопишуемый ужас, она сделала еще одну попытку вырваться, однако не смогла даже пошевелиться. Старуха, похожая на оживший труп, вылезший из склепа, мерзкая и страшная, сделала ей укол в вену.

Кира Львовна незаменима, она мастер на все руки – всех лечит, а то и калечит (если понадобится), следит за домом, подслушивает, докладывает, подозревает, развлекает, заботится и так далее. Она незаменима, как и остальные из команды. Родион умудрился собрать под крыло людей, к которым можно смело приставить предлог «без». Без стыда, без

совести, без жалости, без чести, без души. В сущности, он сам являлся подобием своих же дружинников или они были его подобием – неважно, но члены команды Родиона друг друга неплохо понимали, держались монолитом, как единый организм. Впрочем, удивляться их сплоченности не стоило. Всякая тварь стремится к своему виду, отряду, роду, следовательно, это люди одной крови – черной. Единственное требование из разряда добродетелей Родион все же выставил – преданность. Значит, на периферии его сознания осталась струнка страха, естественно, страха за свою шкуру, ведь без норм жить невозможно. Поскольку он являлся финансистом, щедро оплачивая преданность, ему подчинялись беспрекословно. Кто знает, как они поведут себя в экстремальной ситуации. Впрочем, Родион завязал их крепко, в этом узле и он трепыхался.

Гена подхватил бесчувственную Светлану на руки и уложил на диван.

Исследовали весь пяточок, где находилась Светлана, но даже ее следов не было, только валялась пустая упаковка из-под чипсов, брошенная мимо урны.

– Собственно, я и не рассчитывал, что мы здесь что-нибудь найдем, – сказал Стриж, осматриваясь. – Надо опросить работников спорткомплекса и тех зданий, что напротив, может, кто-то видел...

Захар порядком стух, как показалось, во всяком случае,

перестал орать и махать руками, как на татами, при всем при том идеи у него еще имелись в запасе:

– Да что они расскажут! То же, что и мы с Мишкой. А если действовать методом исключения? Куда ее могли увезти? Зачем?

– Девчонка красивая? – поинтересовался Наговицын.

– У нас только красивые, – фактически похвастал Михаил.

– Ну, тогда... в подпольный бордель, к примеру.

Захар застонал, запрокинув назад голову, Михаил поспешил его успокоить:

– Для борделя Светлячок старовата, туда берут школьниц.

– Или на продажу какому-нибудь шейху в гарем, – продолжил опер, уж он-то с похищениями девушек не понаслышке знаком.

– Не подходит, – заспорил Михаил. – В гаремах предпочитают женщин толстых, Светка весит килограммов пятьдесят пять вместе с кроватью.

– Как же она с парашютом прыгает? – вытаращился Стриж.

– Вместе с кроватью и прыгает, – отмахнулся Михаил.

– Перестань дурака валять! – взревел Захар в адрес друга. – Еще, еще зачем?

– Да просто трахнуть и выкинуть где-нибудь в лесочке, – не унимался Наговицын, выдавая мрачные гипотезы. – Как видишь, твой метод исключения не поможет ее найти. Без-

надега полная, ребята.

– А номер нельзя выяснить? – осенило Михаила. – Марка известна...

– Хм, – скептически хмыкнул Стриж. – Первая цифра то ли девятка, то ли восьмерка, вторая похожа на семерку...

– Вторая семерка, – подхватил Захар, – я уверен.

– Хм, номер не блатной. А почему ты решил, что первая цифра девятка или восьмерка?

– Потому что верх круглый, – изобразил он круг рукой.

– А если это шестерка, или двойка, м-м? – Захар озадачился, вспоминая. – Видишь – ты уже не уверен. А знаешь, сколько номеров автомобилей марки Lexus начинаются с этих цифр? И потом, на время можно поставить другой номер...

– Номер был заляпан грязью, – вспоминал Михаил, – а джип вымыт до блеска... Нет, номер не меняли, его просто вымазали.

Занимаясь борьбой, требующей хладнокровия, Захар все же остался эмоциональным, что, кстати, мешало ему забраться на первую ступень пьедестала. Но такова природа: каким уродился, таким и будешь. Как ни бесила его инертность сотрудников милиции, а без них никак не обойтись.

– Так, я понял, – сказал он. – Вам, ребята, облом заниматься похищением моей девушки – хорошо. Помогите мне достать все номера этой марки, начинающиеся с девятки, восьмерки, шестерки и двойки, вторая – семерка...

– Не тройка? – уточнил Наговицын. – Верхняя часть тройки тоже похожа на семерку.

– Нет! – уверенно сказал Захар. – А также нужны адреса владельцев. За вознаграждение. Сколько скажете, столько и кину. Я все бабки, что у меня есть, потрачу...

– Не хватит – добавлю, – решил подогреть алчность ментов Михаил.

– Сам, что ли, собрался отыскать похитителей? – ухмыльнулся Наговицын.

– А ты считаешь, мне надо лапы свесить и спать спокойно? – взревел Захар. – Сейчас получить списки не так уж сложно, номера, адреса и фамилии вносятся в компьютерную базу данных...

– И все-таки это не так просто, как ты думаешь, – возразил Стриж. – Внешность похитителей запомнили? Узнаете их?

Судя по всему, отчаявшийся жених, кроме неполного номера, больше ничего не увидел, да и Михаил пожал плечами:

– Очень быстро они все сделали. Одного я запомнил... со спины.

– Спина не рожа, на ней не имеется особых примет, – заметил Стриж. – Ладно, попробуем скачать номера и владельцев. Фотки девчонки привезите.

Светлана проснулась. Как ни странно, но вспомнила сразу, что находится в неизвестном доме, как пыталась бежать отсюда, как ее скрутили два урода, а омерзительная тетка

сделала укол. Потому девушка не хотела открывать глаза. Вдруг и это было во сне? В том лесу, который ей снился, она ощущала и боль, и влагу, и холод, будто происходило все на самом деле, может, и сейчас...

Открыла глаза – в комнате полумрак, повернула голову – горит настольная лампа под абажуром. Тихо. Так тихо, что комната кажется пустой. Светлана села, осмотрелась. Кругом чужая обстановка, мало того, в этой чужеродности ощущалась враждебность, враждебным был даже воздух, заполнивший комнату, отчего тревога просочилась под кожу.

Вдруг глаза уперлись в дверь. Вот он, выход. А если выскользнуть потихоньку? Авось не заметят... Светлана отбросила плед, которым ее заботливо укрыли, и босиком, на цыпочках добралась до заветной двери...

А это туалет и душевая кабинка! В таком случае должна быть еще дверь, именно входная... Оглядевшись, Светлана увидела ее, подбежала... Заперта!

Есть окно – к нему и кинулась Светлана, легко открыла... Решетка!

В сердцах она ударила по решетке, села на подоконник и обхватила ладонью шею – к горлу подкатил удушливый ком, глаза закрыла пелена из слез.

Щелчок замка был громким, Светлана вздрогнула, с ужасом уставившись на входную дверь. Что там? Опять пришли чудовища? Почему среди ночи? Что им нужно? Но кто ответит? Светлана рванула к дивану, забилась в угол, укрывшись

плодом и мысленно повторяя: «Возьми себя в руки, не показывай, что боишься их».

Вошла старая ведьма с подносом, на котором стояли тарелки с едой, надо сказать, выглядела еда аппетитно. Светлана мгновенно почувствовала приступ голода. А вот и второй персонаж появился, видимо, главный в этом бездарном спектакле.

– Вы можете идти, Кира Львовна, – бросил Родион пожилой женщине.

Та, поставив поднос на столик, что стоял ближе к дивану, бесшумно убралась. Без сомнения, она из рода нечистой силы, потому что не ходит, а летает по воздуху. Светлана, не мигая, следила за Родионом, он излучал... О боже, ничего не излучал, оттого пугал. Куда она попала? А кстати? Как она сюда попала? Светлана мысленно вернулась к спорткомплексу, ведь обрыв там. Она ждала Захара, сидеть на той дурацкой площади негде, присела на бордюр – он достаточно высокий. Затормозила презентабельная машина, вышли двое... Потом что-то ужалило ее, и будто бы остановилось сердце, дальше – провал, тьма. Выходит, ее выкрали?! Зачем?!

– Лиза, поешь, это для тебя, – предложил Родион мягким тоном.

Светлана удивленно вскинула брови: каким именем он ее назвал? Бедняга обознался, не ту выкрал – но это же путь к свободе!

– Я не Лиза, – произнесла она отчетливо, чтобы он как

следует расслышал.

Родион нисколько не смутился, напротив, голос его прозвучал уверенно:

– Ты Лиза, моя жена, мы женаты три с половиной года.

– Ваша жена?! – обалдела она. Все ясно, попала к психопату, которому не прописали лечения, а давно пора. – Вы в своем уме? Я никогда не была вашей женой и не буду...

– Будешь. Ты ешь, ешь...

– Не хочу. Вдруг там отрава.

– Если бы я хотел твоей смерти, ты умерла бы еще днем, у спорткомплекса. Но ты мне нужна. У меня к тебе деловое предложение: ты становишься моей женой примерно на полтора-два месяца...

– Я не буду с вами спать, – остудила его Светлана.

– В этом качестве ты мне не нужна, так что успокойся, – презрительно бросил он. – Итак, ты соглашаешься стать Лизой, делать все, что я скажу, тогда по окончании нашей сделки получишь миллион долларов и... свободу.

Его уверенный тон начал злить Светлану, главное, она никак не могла понять, всерьез он сделал ей идиотское предложение с миллионом и мнимым замужеством или издевается по каким-то известным только ему причинам.

– Странный стиль приглашать к сотрудничеству.

– Я не приглашаю, а ставлю условия.

Родион присел на другой конец дивана, теперь Светлана рассмотрела его лицо, глаза...

5

Михаил не бросил друга в таком состоянии, поехал к нему ночевать. Наверное, легче переживать стресс тем, кто пьет: выпил и уснул, наутро что-нибудь придет в голову дельное. Но они оба не пьют, вообще-то Захар без спиртного был словно пьяный, дома он слонялся из стороны в сторону, о чем-то думая. Думал он явно о Светлане и о том, куда ее могли увезти, а что тут надумаешь при полнейшей неизвестности? Не приходило идей и Михаилу, изучив холодильник, он принялся готовить ужин, так как другу явно было не до хлеба с маслом. За это время Захар созвонился со Стрижом, напомним тому об обещании, потом сидел на кухне, пока Михаил жарил картошку с мясом, вдруг вспомнил о бабушке Светланы.

– Я позвоню ей, – схватился за трубку Захар.

– Не стоит пугать старушку, – предупредил Михаил, но друг был не в состоянии отказаться от возможности узнать хоть что-нибудь. По его фразам Михаил понимал, как строится диалог:

– Алло, Валентина Петровна? Это Захар. Здравствуйте. Светлана дома?.. Не вернулась?.. А, нет-нет, Валентина Петровна, просто мы договорились встретиться... – Михаил сделал ему знак, постучав себя по лбу. – А она позвонила и сказала, что срочно едет... куда-то... Нет, не помню. Светлячок

звонила перед соревнованиями, я в тот момент о другом думал. Валентина Петровна, если она даст о себе знать, вы мне сразу... ладно? До свидания.

Кинув трубку на стол, Захар повесил нос. Поставив на стол сковороду, Михаил открыл крышку, втянул носом аромат, пробубнив:

– Ну вот, напугал бабушку. Врать, Захарка, ты не умеешь, это большой недостаток. Надо учиться, в жизни абсолютно все пригодится.

– Я все же надеялся... Уф, как-то надо пережить эту ночь.

– Ешь, – выкладывая рагу на тарелку, приказал Михаил. – От того, что будешь сидеть на голодном пайке, Светлячку легче не станет. Не надо раскисать.

– Кто раскис? Кто раскис? – распетушился Захар.

– Не раскис? Значит, я ошибся.

Захар взял вилку и принялся поедать рагу, к радости друга, но какой вид при этом у него был! Грозный. Михаил никогда не видел его таким, случилось, Захар взрывался, по натуре он запальчивый, однако из тех людей, которые быстро отходят. Нынешнее же его состояние внушало Михаилу опасения именно тем, что выглядел он относительно спокойным, лишь в глазах стояло темное марево, оно и настораживало. Конечно, обстоятельства сверхплохие, главное, ничего не можешь сделать, следовательно, должен принять непременно условие этих обстоятельств: ожидание. Тут хочешь не хочешь, а принимай. Захар не собирался ждать (это по-

хвально), лучше действовать, тогда ожидание легче переносится, но он возвращал в себе нечто страшное. Гадать не пришлось, Захар сам сказал:

– Ну, если найду этих уродов... а я рано или поздно найду их... переломая хребты. В нескольких местах, чтобы не срослись. Ломать буду беспощадно, долго, мучительно.

Михаил поверил, что его друг так и сделает – будь то положительный исход или отрицательный, – а это опасный настрой. И не только потому, что можно залететь на скамью подсудимых, но и потому, что злобу утолить нельзя, она как черная дыра – сколько туда ни кидай, не наполнится. Наверное, Захар прочел мысли друга, потому и возразил:

– Они взяли себе право распоряжаться судьбами, кто-то должен это право отнять раз и навсегда.

Михаил кивнул, мол, согласен с тобой. Сейчас противостоять настрою Захара глупо, от этого Захар только больше заведется – такова черта эмоциональных людей. Вот если Светлячка ему вернуть живой и невредимой, то, вполне возможно, он остынет.

Светлана неплохо чувствовала людей, собственно, ей по долгу службы положено разбираться в них, ведь она связующее звено между небом и землей. Ситуации бывают разные, некоторые ощущают на борту свою беспомощность, нервничают, заставляя нервничать других пассажиров. Светлана обязана найти подходящие слова (в каждом конкретном слу-

чае разные), которые успокаивают невротиков, и она их находила. Сейчас, глядя на Родиона, девушка поняла, что к этому человеку не существует ключей, из слов до него доходят только те, которые он хочет услышать. А глаза у него удивительно ясные, светлые, но они ничего не имели общего с человеческими глазами. В них не наблюдалось перемен, как случается при смене эмоций, не было теплоты, но и холода не было, в данную минуту он представлялся разумным человеком, с которым можно договориться. Светлана понимала, что увезли ее не для того, чтобы услышать отказ. Все же стало интересно, какой ответ он даст на вопрос:

– А если откажусь?

Нет холода? Ошиблась. Его глаза стали белесыми, словно бельма.

– Я залью твой труп раствором бетона. За этим домом вырыт котлован под фундамент пристройки для прислуги, там, под слоем бетона, тебя ни одна собака не найдет. Никогда. Каков твой выбор?

Он ответил без каких-либо красок в голосе, абсолютно ровно, но у Светланы не вызвало сомнений, что угрозу это дьявольское отродье воплотит в реальность.

– Выбор? Вы мне его не оставили.

– Мое имя Родион. Ты, Лиза, называла меня Роди. Повтори: Роди.

А ведь ни один мускул не дернулся на его лице, когда она в общем-то дала согласие, и взгляд не переменялся.

– Роди, – повторила Светлана. – Я могу позвонить бабушке?

– Нет. Никому. Пока ты будешь Лизой, никто не должен знать о тебе ничего.

– Я только скажу, что со мной все в порядке... – Не слышит, не хочет слышать. – Меня будут искать! Моя бабушка и...

– Напиши записку. Мои люди отвезут ее твоей бабушке. – Он нажал на одну кнопку телефона и сказал в трубку: – Гена, принеси бумагу и авторучку. Мы договорились, Лиза?

– Договорились.

Сейчас главное, чтобы ее не залили бетоном, а дальше будет видно.

Пришел Гена, рожа у него средневекового палача, он положил листы бумаги с авторучкой на стол, Родион без слов указал Светлане, мол, иди и пиши послание бабуле. На ходу думая, как написать, чтобы стало понятно, в какой переплет она попала, девушка подошла к стулу, отодвинула его (намеренно все делала медленно), присела и взяла авторучку.

– Пиши: «Бабушка...» – раздался за спиной голос Родиона, Светлана оглянулась, дав понять одним взглядом, что сама в состоянии составить записку, а тот типа усмехнулся. – Да, Лиза, да. Под мою диктовку. Пиши: «Бабушка, не волнуйся, у меня все хорошо. Я уехала по неотложным делам, вернусь через пару месяцев. Прости, очень спешу». Написала? Подпишись. Гена, принеси.

Палач выхватил лист и отнес хозяину, тот пробежал глазами по строчкам, встал с дивана и, складывая записку, сказал:

– Твоя бабушка получит это завтра утром. Да, хочу предупредить тебя... Не вздумай пытаться сбежать, отсюда не убежишь, а мое доверие ты можешь потерять безвозвратно. И тогда... тогда ты очень пожалеешь об этом, но будет поздно. Спокойной ночи, Лиза.

Комната опустела, в замке повернули ключ. Светлана вернулась мыслями к Захару, он же ничего не знает и что себе там думает – неизвестно, наверняка обиделся, ведь она в его понимании подлая обманщица. На его месте Светлана решила бы, что Захар бросил ее, просто сказать напрямую не смог, стыдно. А бабушка? Она же старенькая, ей противопоказаны переживания. Светлана не удержала слез, ручьи из глаз покатались сами собой, и одна за другой, без пауз, капли падали на подол, правда, Светлана не всхлипывала, а нос стал мокрым. Девушка протянула руку к подносу, где лежали салфетки... Черт, слезы и голод – это двойной удар по истощенному стрессом организму. Светлана поставила на колени поднос с едой, не спеша (несмотря на жуткий голод) ела и плакала, вытирая щеки пальцами.

Тем временем Родион с Геней дошли до комнаты видеонаблюдения, Марат их ждал с нетерпением, чтобы высказаться:

– Не нравится мне ее поведение. Смотри, Роди: вроде как

сдалась, сопли распустила, а морда злая, вся в напряге. За-
таилась, а не согласилась сотрудничать.

Гена, понаблюдав за Светланой, поддержал его:

– Я с Маратом. Когда ты, Роди, сказал ей про миллион баксов, она пропустила это мимо локаторов. Прежняя аж за-
дохнулась от жадности, глазенки так и забегали, так и запры-
гали, на все была согласна, а эта... эта нет. И не хныкала,
мол, отпустите меня, пожалуйста.

– Ни одного вопроса не задала, – вторил ему Марат, –
а людям свойственно задавать вопросы даже в смертельной
опасности. Я как рассуждаю: раз согласилась, то, по идее,
должна поинтересоваться, что входит в ее обязанности, ну,
хотя бы спросила, зачем ей становится Лизой. Не спросила,
где твоя жена... Это примитивный набор, Роди. Нет, я бы ей
не доверял.

– Кто вам сказал, что я доверяю ей? – индифферентно
произнес Родион. – Но пусть думает, что мы лохи, а она са-
мая умная. Гена, завтра съезди к доку, скажи, пусть готовит-
ся, ночью мы привезем ему клиентку... А после его искус-
ных рук она ничего не сможет сделать, станет покорной...

– Если не помрет, как та, – внес пессимистичную ноту Ге-
на.

– Снаряд два раза в одну воронку не попадает, – образно
возразил ему Марат, но Гена образов не понимал.

Родион скрестил на груди руки, глядя в монитор, а мысли
его находились в другом месте, лицо приобрело выражение

жесткости.

– Завтра все надо сделать при ней, – сказал он. – На карту поставлены наши головы, я не могу и не хочу зависеть от случайностей. Поэтому завтра наша Лиза должна получить доказательство, что мне надо подчиняться. Да, кстати, ответьте записку старухе, нам лишняя возня не нужна. Я пошел спать, устал...

– Стой, – задержал его Марат. – А ведь вы, господа, не заметили одной существенной детали. Хотя вам она – деталь, я имею в виду, – должна была броситься в глаза, вы же находились с нашей новой Лизой.

– Что за деталь? – заинтересовался Родион.

– Лучше покажу. Минуточку...

Марат вернул запись назад, нашел то место, где Светлана-Лиза писала записку, но и на этот раз ни Родион не заметил, ни Гена. Впрочем, у Гены опухоль мозга, она давит на извилины, те и не работают на полную катушку, если вообще они у него работают, – это исключительно мнение Марата, но не Родиона.

– Опять не видите? – изумленно спросил он. – Какой рукой она пишет? – Оба наклонились к монитору, будто так видимость станет лучше. – Да, левой. Роди, она левша! А наклон? Левши пишут записки с наклоном в другую сторону.

– У нее почерк без наклона, – сказал Родион.

– Без? – пожал плечами Марат. – Ну, может быть, бывает и так... Но это главный прокол, из-за которого мы можем

погореть. Не заметить леворукости... Нет, не надейтесь на это. Ладно, вилка-нож, но как только она возьмет авторучку, он заметит.

– Блин! – сдвинул брови Гена. – Левша... И что теперь, Роди?

Родион озадачился, вместо него ответил Марат:

– Хорошо, что сейчас выявилась левизна, подумаем, как ее спрятать.

– «Бабушка, не волнуйся, у меня все хорошо, – читал вслух записку Захар, стоя в прихожей. – Я уехала по неотложным делам, вернусь через пару месяцев. Прости, очень спешу. Светка». Когда вы это получили?

Валентина Петровна ничем не отличалась от бабушек семидесяти лет с большим довеском. Конечно, среди старух ее возраста есть худые, толстые, средних размеров, но общее у подавляющего большинства – не приукрашенная старость. Особенно старость ощутима, когда юность и зрелые годы прошли в трудах, требующих физической отдачи, когда не позволялись послабления, а о недостатке не помышляли. Валентина Петровна была взволнована, во время чтения изучала Захара с Михаилом, полагая, что они знают больше, чем она. Как все бабушки, старушка отсутствие внучки воспринимала как катастрофу.

– Час назад позвонили в дверь, а я пока дошла... – волнуясь, отвечала она. – Открыла – никого нет, гляжу – конверт

лежит у ног... Разве не странно? Куда это она уехала на два месяца? А тут еще твой вчерашний звонок меня растревожил. В общем, как только я прочла, сразу тебе позвонила. Захарушка, что происходит?

– Если бы я понимал... – проговорился тот, его незаметно для бабушки толкнул Михаил. – Ладно, не переживайте, Валентина Петровна. Раз Светлячок передала записку, значит, у нее действительно срочное дело. Улетела, я думаю... э-э... заменила кого-то на рейсе.

– Почему же не позвонила? – недоумевала она. – Это проще, чем записку...

– Ошибаетесь, – активно вступил Михаил. – Если она попала в мертвую зону, то звонки не поступают. Или у нее труба села, а зарядить негде. Да мало ли куда ее отправили. Вон сколько по всему миру землетрясений, наводнений... Наверняка Светлана улетела со спасателями, будет с острова на остров перелетать. Если честно, я ей завидую.

А Валентину Петровну не так-то легко провести.

– Если б она улетела, то так и написала бы, а в записке – «уехала». И ты так думаешь, как Миша, Захарушка?

– Приблизительно. Ну, все в порядке... мы на тренировку... до свидания... Погодите, Валентина Петровна. Вы Светлячка как называете?

– По имени, конечно.

– То есть Светкой?

– Ну, не так грубо. Я же люблю ее, стало быть, зову лас-

КОВО.

– Ой, извините, мы опаздываем, – спохватился Захар. – Держите меня в курсе. А я вас... буду держать. Да все в порядке, Валентина Петровна, почерк Светлячка, значит, у нее действительно возникли обстоятельства...

– Сложные, – подсказал Михаил. – Захар, бежим, мы опаздываем. До свидания, Валентина Петровна. – Спускаясь по лестнице, он и друга попытался успокоить: – Ну, вот видишь, записка есть...

– Фигня эта записка, – буркнул тот.

– То есть? – приостановился Михаил. – Хочешь сказать, почерк не ее?

В суматохе Захар якобы забыл отдать записку, сейчас достал ее из кармана куртки, развернул и выпятил губу:

– Ее.

– Что тебя еще не устраивает?

– То, что я собственными глазами видел, как ее запихивали в джип. Светлячок была без сознания, ты тоже это видел.

– Но записку прислала она, значит...

– По крайней мере, она жива, – продолжил спуск Захар. – А записку ее заставили написать, чтобы мы не забили тревогу. Кстати, Светлячок подписалась: Светка.

– Ну и что? – Михаил следовал за ним.

– Ее никто так не называет. Светлана, Светлячок, в крайнем случае Светочка, даже Светой не называют, как-то не вяжется с ней. И никогда она не подписывалась Светка ни в

шутку, ни всерьез, мы же переписывались эсэмэсками.

– Считаешь, назвав себя так, она знак подала?

– Думаю, да. Ну, на бабушку она не рассчитывала, а я... Светлячок знала, что я буду ее искать, для меня и написала. Означает это, что никуда она не уехала, но кто-то хочет, чтобы мы думали так.

Михаил скептически усмехнулся, но спорить с Захаром – завести его, а впереди тренировка. Восстановив в памяти момент похищения, он признал, что друг в некоторой степени прав: Светлана была без сознания, действительно, два мужика забросили ее в джип, следовательно, каким-то образом девушку привели в такое состояние. Остальные домыслы друга весьма сомнительны... а может, и нет. Запутался.

Выйдя на улицу, оба припустили, будто за ними гнались – только пятки засверкали. Тарас пас обоих от самого дома Захара, завидев сейчас молодых людей, позвонил:

– Ее хахаль был у бабки вместе с другом, думаю, старуха их позвала, когда получила письмо... Нет, он в норме... Хорошо, сяду на хвост. А если в ментовку поскачут?..

– Чем им поможет ментовка? – покрутившись в офисном кресле, сказал в трубку Родион. – Но ты, Тарас, присмотри за ними, это на всякий случай, перестраховка.

Родион находился в офисе, последнее время он запустил работу, накопилась уйма неотложных дел. Он жутко переживал, потому что предыдущая «Лиза», погибшая на столе хирурга, вызывала большие опасения. Теперь успех практи-

чески гарантирован, однако десять процентов он кидал на неудачу, посему меры предосторожности принимал, в какой бы эйфории ни пребывал. Главное, предусмотреть даже мизерный сбой, не отмахиваться от сомнений и верить в удачу, а она с ним, тому подтверждение – новая Лиза.

Гена, что-то рывкнув секретарше, появился в кабинете, тщательно закрыв за собой дверь. Он подошел к столу Родиона, плюхнулся в кресло и возмущенно доложил:

– Роди, я только что от дока, он меня беспокоит. Его чуть кондрашка нехватила, когда я ему: мол, сегодня ночью жди. Бледный стал, как сперматозоид...

– Спирохета, – поправил Родион.

– Спирохета... Какая разница? Начал молотить, будто он не может после того случая, бабло хотел вернуть. Ну, не мудака? Я ему сделал внушение. Очень серьезное внушение, ты знаешь, как я могу и как это помогает, но теперь он всего и всех боится.

– Правильно делает.

– Роди, я тоже боюсь. Эта медицинская гнида способна сдать нас.

– Не успеет, – усмехнулся Родион, набирая номер. Услышав голос доктора, он заворковал, но так, чтобы у того сдавило под ложечкой от страха: – Док, это Родион. Не сердитесь на Гену, он горячий парень... Чшш, док, я все понимаю и привезу дополнительное вознаграждение. Ровно столько, сколько вы получили. Не стоит со мной ссориться, док. –

Взглянув на Гену, он улыбнулся, положив трубку. – Ну, вот и все. Страх, Гена, не сильнее жажды денег.

– Не знаю, не знаю... Может, стоило другого дока подыскать?

– Времени нет на другого. К тому же вовлекать новых людей в нашу авантюру нецелесообразно. Да и где еще найдешь частную клинику без больных и медперсонала? Капитальный ремонт перед открытием нового медицинского учреждения – большая редкость, а док... он высококлассный спец.

– У этого спеца баба сдохла под ножом.

– Под скальпелем, – снова поправил его Родион. – Ты предупредил, чтобы сегодня был тот же санитар?

– Мало того, напомнил, чтобы сторожей вырубил... то есть усыпил... в общем, чтобы те спали, а то от страха все забудет.

– Молодец. Итак, сегодня... Я прошу тебя, без шума, спокойно. Главное, чтобы наша Лиза все видела.

– Понял. Сделаем.

6

Тренировка закончилась, зал быстро пустел, тренер позвал Михаила, подождал, когда они останутся вдвоем, и спросил по-отечески строго:

– Что это с Захаром? Почему он такой вялый? Пили вчера?

– Не до того было, да и не пьем мы, вы же знаете. Просто у Захара неприятности, невеста пропала.

– Светлана? А как это – пропала? Сбежала или?..

– Или, или. Увезли ее, никто не знает, где она сейчас, мы ищем. Не спрашивайте больше ни о чем, я обещал Захару не трепаться.

Обычно, когда лгут порядочные люди, они прячут глаза, уводят их в сторону, чего не заметил тренер за Михаилом, отсюда вывод: парень говорит правду. Но состояние спортсмена – вещь крайне важная, победы зависят не только от физической силы и сноровки, от внутренней гармонии тоже. Если же внутри образовался дисбаланс, то, как правило, побед не видать, к тому же поражения негативно сказываются на психике, спортсмен теряет кураж. Зная это не понаслышке, а также дорожа талантливыми ребятами, он предложил:

– Помощь нужна?

– Спасибо, но пока не надо, нам ребята из милиции обещали помочь. Я побежал, ладно? А то Захара психи накро-

ют, подумает, я сдал его... И правильно подумает.

– Не бойся, я – могила. Ты все же поразмысли насчет помощи.

– Спасибо.

У Захара развилось шестое чувство, в раздевалке он снял лишь пояс, стоял и ждал друга, поставив руки на бедра.

– Чего он тебя притормозил? – осведомился он, когда пришел Михаил.

– Не знаешь, что ли? Он же никогда не бывает доволен, все ему не так...

– Странно. Ко мне у него должно быть больше претензий, я всю тренировку сосредоточиться не мог.

– Хотел и тебя вызвать, я попросил не делать этого, потому что ты неважно себя чувствуешь. Чего стоишь? Давай переодевайся, сходим куда-нибудь пообедать.

По мелочам врать не грех, да и по-крупному, если для дела, недаром же говорится: святая ложь.

Светлана пребывала в напряжении, став узницей и понимая: раз не убили, не изнасиловали, а заставляют представляться Лизой, следовательно, у этих людей есть коварный умысел. Где настоящая Лиза, почему Роди надумал заменить ее другой и рискнул увезти Светлану прямо с улицы, кого он хочет обмануть и зачем, – это все вопросы для правоохранительных органов. А у нее задача – выбраться отсюда, для начала нужно прикинуться, будто миллион явился привле-

кательной приманкой и скромная стюардесса ради денег согласна на все. Если бы каким-то образом дать о себе знать Захару, а он сообщил бы в милицию... Сообщил бы! И что ему сказать? Светлана понятия не имеет, в каком районе находится, а как милиция выяснит?

Настала ночь. Это единственная возможность немного отдохнуть, силы надо беречь, а также держать голову в состоянии ясности. Но в такой обстановке Светлана спала чутко, не выключая настольную лампу, хотя что это даст, если кто-то войдет с определенной целью? Во всяком случае, она сразу увидит негодяя и будет драться до победного конца.

Стоило повернуться ключу в замке – сна как не бывало, Светлана села на постели, сунув руку под подушку, куда положила подсвечник из бронзы, нащупала его и сжала в руке до боли в пальцах. Вошли Родион, Гена и Марат. Когда она видела их вместе, у нее в прямом смысле тряслись поджилки, достаточно взглянуть на колоритные рожи и – никогда не придет на ум, что у этих людей добрые намерения. Вошли и стали как надгробия.

– Зачем вы пришли? – вскрикнула Светлана. – Что вам нужно?

– Не паникуй, Лиза, – сказал Родион. – Одевайся, я должен тебя кое-кому показать.

– Кому? – не пошевелилась она, чувствуя, что ей приготовили гадость. – Зачем? Почему ночью? Почему не днем?

– Базара много. – Гена шагнул ближе и кинул Светлане

одежду. – Тебе что сказали делать?

– Гена, не дави на нее. – Нотки в голосе Родиона мягкие, а от них у Светланы холодок пробежал по коже. – Сейчас она встанет и оденется. Верно, Лиза?

Ничего не поделаешь, они потому и пришли втроем, чтобы в случае отказа насильно вытащить ее из постели и «показать кому-то».

– Мне при вас одеваться? – сдалась Светлана, но три надгробия и не думали уходить. – Отвернитесь.

Нехотя все же отвернулись. Ее платье и куртка висели на спинке кресла. Вещи были чужие, но Светлана взяла их. Она натянула джинсы – пришлись впору, блузка оказалась нужного размера (о, как тряслись руки, застегивая пуговицы!), шерстяная кофта – как по ней сшита.

– Я готова, – выговорила она тусклым голосом, гадая, куда ее поведут, и, разумеется, переживая за собственную жизнь.

Троица повернулась, а Гена вдруг подошел к дивану, на котором спала Светлана, глядя на девушку с ехидством, лапой взял подушку и приподнял ее.

– Хе! – отвратительно улыбнулся он или ухмыльнулся.

Кинув подушку обратно на диван, Гена подхватил подсвечник, показал Родиону с Маратом, крутанув его в руке, потом поставил на стол, мол, мы ничего против не имеем, но место подсвечника – на столе.

Первым шел Родион, за ним Светлана, чуть сзади два чудовища, в общем, создалось впечатление, будто арестант-

ку ведут на эшафот, кстати, она недалеко была от истины. Девушка водила глазами по дому, запоминая расположение комнат, коридоров, дверей. А дом очень большой, заточили Светлану на втором этаже, в самом дальнем углу, значит, прятали. От кого? Наверняка здесь полно прислуги, стало быть, от нее прятали, при всем при том атмосфера такая, словно в доме никого нет.

Вышли во двор, Светлана кинула взгляд вправо, влево, да за густыми кронами деревьев ничего не разглядишь. Ах, нет... Сквозь листву мелькнул электрический свет, но не от фонаря, видимо, по соседству есть другие коттеджи. Что же это за район? К сожалению, по окраинам она не гуляла. Светлана вздрогнула от голоса Гены, раздавшегося возле ее уха:

– Не зыркай по ландшафту, не сбежишь. – Он открыл дверцу джипа, который стоял почти у ступенек. – Лезь.

В машине Светлана очутилась между Родионом и Геной. Тронулись. Выехали за ограду, Светлана смотрела прямо перед собой – в лобовое стекло, ее интересовала дорога. Заметила: здесь престижные постройки, не дачные, а район все равно не смогла определить. Впрочем, невозможно точно вычислить место, где никогда не бывал, хотя и жил в этом же городе.

Гена полез в карман, долго возился, внезапно его рука с платком накрыла нос и рот Светланы, она схватилась за руку, вытаращила глаза, но вдруг обмякла и отключилась.

– Ну, хватит держать платок, – проворчал Родион. – А то

И мы отключимся.

– Не отключимся, – заверил Гена, выбросив платок за окно. – Ну, вот и все, готовая. Марат, не заезжай на территорию клиники, я сгоняю и проверю, как там, чтобы не нарваться.

– Слушаюсь, – с ухмылочкой отозвался Марат за рулем.

Доехали без приключений, однако Гена, разузнав обстановку, предложил вообще не заезжать. Он распахнул дверцу, потянул бесчувственную Светлану к себе и взвалил на плечо.

В еще не оборудованном толком кабинете Родион достал пачку долларовых купюр, потряс ею в воздухе, мол, это обещанная прибавка к гонорару, кинул на стол, придиричиво присматриваясь к доктору. Тот держался вполне удобоваримо, в противном случае пришлось бы отказаться от его услуг, ведь риск недопустим. Доктор накрыл холеной ладонью пачку, протасил ее до края стола, стеснительно сунул в карман, с первого раза не попав в него. Родиона это насторожило: раз не попал, значит, волнуется, а волнение – опасная штука. Он уже хотел переиграть сегодняшнюю экзекуцию, но помешал Гена:

– Док, не забудь клешни помыть, тут и так антисанитария, не дай бог второй раз... Учти, тогда я из тебя девочку сделаю, похожую на эту.

– Все будет в порядке, – убежденно сказал доктор, что в некоторой степени успокоило Родиона. – Патологии редко встречаются, а насчет клешней... я работаю в перчатках.

– Покажи перчатки, – потребовал Гена.

– Отстань от дока, – оттеснил его Марат. – И поторопись, док, примерно через полчаса, максимум через час она проснется.

Они вышли в коридор, доктор подошел к каталке, на которой лежала Светлана, надел медицинскую маску и махнул санитару. Тот завез девушку в помещение, не предназначенное для операций, но подготовленное для подпольной работы.

Михаил с Захаром устроились на кухне, чтобы не бегать из комнаты к плите и обратно, когда потребуется чашка кофе или чая. Поздно вечером Наговицын привез список автомобилей Lexus, раньше не мог – гонялся за грабителями. Честно сказать, ребята подрастерялись, когда просмотрели списки, и понятия не имели, с чего начать, какую нужно сделать сортировку, – список, чересчур большой, изрядно их напугал. Они пили чай и думали. Михаил еще раз пересмотрел список, наконец возмутился:

– Да это же... На фига нам все автомобили этой марки? Мы же просили список внедорожников.

– И на том спасибо, – не унывал Захар, – могли отделаться обещаниями.

– Не за что благодарить. – Михаил с некоторой злостью, абсолютно не свойственной ему, швырял верхние листы на стол. – Да их же как песка в море... И у всех «Лексус»! А помимо этой марки, на дорогах полно других... Нет, откуда

у людей такие бабки? Я полагал, наш народ живет скромнее. Захар, твой способ не годится.

– А как по-другому? Мы видели только внедорожник, значит, следует искать его, первые две цифры известны...

– Первая тоже под большим вопросом. Ты посмотри, сколько номеров начинается с этих цифр! Никогда бы не подумал.

Но настырных людей не собьешь с толку, они будут бить в одну точку до упора, как раз к таким чаще приходит озарение. Правда, до этого было еще далеко, тем не менее Захар упорно стоял на своем:

– Стриж с Наговицыным обещали опросить знакомых Светланы, на работе поспрашивать, может, у нее были с кем-то конфликты, а я этого не знаю. Или кто-нибудь видел внедорожник рядом с семеркой на номере. Все, не спорим, думаем, как это упорядочить.

Что оставалось Михаилу? Только напрячь извилины.

– Ну, раз ты настроен так оптимистично, – вздохнул он, – то давай хотя бы... отсортируем автомобили. Первое – нужен каталог. Что тебе говорит «Лексус ЭрИкс»? А что это за цифры – 300, 350? Мне – ничего. Какой конфигурации машина? А следует отобрать только внедорожники, между прочим, семиместные.

– Нет проблем. – Захар ушел в комнату, вернулся с ноутбуком. – Выясним в Интернете.

– Тогда начнем. Я называю модель, ты ищешь ее в Интер-

нете. Если это не джип, просто вычеркиваем из списка все подобные модели.

– Набирать латинскими или русскими буквами?

– Русскими. Нам нужны машины, которые в ходу на российском рынке. Не спеши, сначала я вычеркну все ненужные номера, чтобы не путаться, а ты свари, пожалуйста, кофейку, сидеть нам до-олго придется.

Прошло полтора часа, для «пустяковой операции» многовато. Гене без разницы – где ждать и сколько ждать, Родион тоже проявил терпение, которого не хватило Марату. очередной раз посмотрев на часы, он психанул:

– Да что так долго? Можно подумать, трепанацию черепа делает!

– А вдруг и эта ласты склеила? – спокойным тоном внес беспокойную ноту Гена. – Че смотрите? Разве так не было? И док теперь боится выйти к нам, правильно делает.

– Я зайду, – подхватился Марат.

– Стой, – вяло сказал Родион. – Еще подождем.

– Сколько? – вспыхнул Марат. – Он издевается...

Дверь открылась, санитар выкатил пустую каталку и покатил ее по коридору. Появился доктор, надо сказать, с нервным выражением на физиономии, окинув трех мужчин беглым взглядом, потупился. Марат подступил к нему, процедив:

– Только не говори, док, что и ее ты зарезал...

– Все в порядке, – проямлил тот. – Она жива и...

– Фух, – с облегчением вздохнул Марат. – А почему так долго?

– Я побыл с ней, когда она пришла в себя и узнала... Короче, говорить не будет некоторое время, а потом лишь шепотом, но без голоса.

– Что значит – шепотом? – осведомился Родион.

– Процесс речи очень сложный, я вам уже говорил раньше, но вы невнимательно меня слушали. Именно голос, его окраску и тембр, воспроизводят связки, есть мышца, которая сужает голосовую щель, а есть – напрягающая связки. Людям удаляют связки и прилегающие мышцы только ввиду острой необходимости – онкология, например. Я выбрал наиболее безопасный способ, аккуратно рассек мышцы скальпелем, затем разрезы сушатся, тампонируются, ведь течет кровь...

– Так она будет говорить? – побелел Родион.

– Десять – четырнадцать дней она будет молчать, так как мышцы травмированы, но позже... Гортань – тонкая вещь, в процессе образования речи участвуют не только связки и мышцы, о которых я говорил. Человеческая речь связана с артикуляционным аппаратом, артикуляция сохраняется за счет губ, языка, челюсти. Сохраняет свои функции и гортань, вспомогательные мышцы. Голоса как такового не будет, окраски не будет, но шепотом... шипя, она сможет говорить. Дело даже не в этом...

– А в чем? – задал вопрос Марат.

– Вы... – Доктор побагровел, кажется, он был взбешен, несмотря на крупный гонорар. – Вы обязаны были с ней договориться! Я думал, она согласна, как та девушка, расстаться с голосом... Стал объяснять, что делать после операции, а она... В общем, у нее шок... а я... я чувствую себя преступником-садистом.

– Док, заткнись, – почти вежливо попросил Гена. – Тебе хренову кучу бабок кинули не затем, чтобы ты нас учил.

– Идите и сами утешайте ее, – стеснительным жестом указал доктор на кабинет, адресуя слова Родиону.

– Э, нет, стой, док, – перекрыл ему дорогу к кабинету Марат. – Ты внуши ей, чтоб она даже не пыталась говорить. Нам нужно ее молчание. Полное. Подведи базу, мол, только при абсолютном молчании можно будет восстановить голос в будущем... Тебе она поверит.

– Я обещал ей, что попробую сделать реконструкцию мышц, – сказал доктор. – И я сделаю операцию, когда она захочет. Бесплатно. Хотя это нереально, но я сделаю все от меня зависящее. Однажды руку пришил...

Его слова прозвучали как вызов! Марат панибратски хлопнул его по плечу:

– Ну и молодец. Идем к ней, ты скажешь то, что я велел.

Родион поднялся со стула, решительно вошел в кабинет, за ним двинули Гена с Маратом, последний не забыл схватить доктора за локоть и бесцеремонно втолкнуть туда же.

Согнувшись, обхватив голову руками и поставив локти на колени, Светлана сидела на стуле, спина ее не вздрагивала, значит, девушка не рыдала. К ней приблизился Родион, Светлана подняла голову и явно увидела не того, кого ожидала. Вероятно, подумала, что это доктор, а перед ней стоял Родион с бесстрастным лицом и глазами удава. Губы девушки задрожали, но не от слез – от гнева, сказать она ему уже ничего не могла, но внезапно вскочила и замахнулась. Ударить его Светлане не удалось, ее перехватил Марат, завернул руку назад и оттащил от Родиона к стене, рыча:

– Спокойно, спокойно. Без трепя меньше проблем, Лиза.

– Нельзя же так грубо! – взбеленился доктор, покраснелся, как девственница перед дефлорацией, затем обратился к Родиону: – Скажите же ему! Вы хоть понимаете, что она сейчас испытывает?!

– Понимаю, – равнодушно произнес тот. Его не волновали ее чувства, Родиона во всей этой истории устраивал единственный факт: девушка жива и здорова, о здоровье говорила агрессия, но это пройдет со временем. – Вы, док, говорили, Лизе надо как-то вести себя после операции...

– Да, – нахмурился доктор, затем посмотрел на Светлану: – Вы должны молчать, во избежание болевых ощущений и чтобы не травмировать мышцы гортани напряжением. Даже когда пройдут боли, не пытайтесь говорить, щадящий режим поможет мне провести реконструкцию. Договорились? – Светлана вяло кивнула, а он неловко взял неболь-

шой листок со стола и протянул Родиону: – Это рецепты полосканий... и... и антисептики... Питание только в протертом виде, после еды обязательно полоскать горло... Ничего кислого и острого... там все написано... в общем-то несложно...

Когда тебя не слушают, говорить не имеет смысла, а Родион не слушал, поэтому доктор мямлил-мямлил и замолчал, втайне мечтая, чтобы компания убралась туда, откуда прибыла, – к сатане. Он исподлобья следил за главарем шайки, в которую попал по недоразумению – если недоразумением уместно назвать жажду наживы. Казалось, Родион погружен в рецепты, читая, он отошел на несколько шагов, доктор остался один посреди небольшого помещения...

В этот момент от дверного косяка отделился Гена, вытягивая руку с пистолетом и глушителем. Лицо его было сосредоточенным, ответственным. Раздался глухой звук – пух. Доктор упал как подкошенный, в районе груди на сине-зеленой униформе растеклось багровое пятно.

Светлана от ужаса закричала, но... но! Ее крик подавила боль в горле, а хуже боли – не услышать собственного голоса, когда кричишь. Это нелепо, страшно... Доктор на полу – еще страшнее. Тем временем палач Гена уже стоял над распростертым телом, целясь в него. Он выстрелил второй раз – доктор не дернулся. Убит... Так просто? За что?!!

У Светланы потемнело в глазах, ослабли колени, она оседала, сползая по Марату, он, тряхнув ее, поставил на ноги,

прошипев:

– А ты как думала, детка? Все очень серьезно, так что будь умницей.

Гена обыскал доктора, ворочая тело, словно это тряпка. Не нашел, что искал, бросился к столу, выдвинул ящик. Пачка долларов полетела в Родиона, тот поймал ее на лету, а Гена, очутившись у двери, выглянул в коридор.

– Уходим, – дал он команду.

Гена шел первым, заглядывая в приоткрытые двери и держа наготове пистолет, за ним остальные. Как Светлана переставляла ноги – непонятно, она их не чувствовала и тела не чувствовала, тело стало ватным, безвольным. А вот удары – бу-бух! бу-бух! – собственного сердца слышала, они отдавались в жилах, которые едва не лопались. Ощущение – будто Светлану некто избил, заодно выпив из нее силы. Если бы не Марат, поддерживающий девушку, она прилегла бы в коридоре на полу – и будь что будет. Тем не менее картинки отпечатывались в памяти помимо воли, вероятно, потому, что были слишком яркими, непривычными и ужасными.

Отпечаталась спина монстра Гены, который шагал впереди, приоткрывая по пути двери всех подряд помещений. Он делал это осторожно, будто находился на войне, где отовсюду подстерегала смертельная опасность. Выше локтя ее держал Марат, от него исходил удушливый запах мужского парфюма, напоминающий запах трупа, от этого аромата Светлану подташнивало. Отпечатался его профиль – узкий лоб, ров-

ный и острый нос, поджатые тонкие губы. Родион... Роди...
Ее отвлек Гена, внезапно распахнувший дверь. Светлана, кажется, оглохла, потому что выстрела не слышала, он только поднял руку с пистолетом... два раза рука дернулась и замерла. После той же рукой он махнул, указывая на выход. Проходя мимо, Светлана непроизвольно заглянула внутрь помещения, там на полу лежал мужчина. Убит, догадалась она. Убит?! Неужели все это происходит с ней? Сколько еще убьют по дороге? А ее когда? Светлана зажмурилась и остановилась, Родион обнял ее за плечи, увлекая к выходу. На что хватило сил – так это взять его руку и брезгливо отбросить от себя. Залезая в джип, как сквозь сон, она слышала голоса.

– Дворники стырили! – психанул Марат. – Какая скотина ободрала наш джип?

– Да плюнь ты на них, поехали, – сказал Родион. – Воры давно убежали.

В машине Светлана снова ехала между Родионом и Геной, но не следила за дорогой, не пыталась определить район, она все еще находилась там, где остались два простреленных тела. Не помнила, как дошла до своей комнаты, ее туда втолкнули и оставили одну. Светлана стояла некоторое время, не соображая, что ей нужно сделать, потом ноги привели ее к дивану, рухнув на него, она упала в кромешную тьму.

Ярко-зеленым маркером вычеркивали из списков ненуж-

ные автомобили, пили кофе, чтобы не клонило в сон, а все равно клонило, во всяком случае, Михаила – здоровому организму никакой кофе не поможет. В конце концов он, бросив листы на стол и закинув за голову руки, выгнулся со стоном:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.